ISSN 2658-7920

ВЕСИ

№ 10,
2024

ВЕСИ

№ 10 (212)` 2024
декабрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Наталья Пакшина
Землевладения Павла Григорьевич Демидова в Нижегородской губернии 2
Циля Львовна Янковская
Рождение города в Казахстане 9
Дмитрий Криушов
Институт взятки «Золотого века» Российской Империи 18
Александр Казанцев, Александр Макурин
Один век и мир увлечений 28
ВЕСИ – 2024 31
Вениамин Алексеев
Атомная промышленность Урала в исторических исследованиях 34
Лариса Никитина
Свердловский ученый Виктор Кузнецов одним из первых исследовал рассекреченные документы об атомном проекте СССР на Урале 52

Журнал удостоен медалей:

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

United Nations Educationa, Scientific and Cu tura Organization

Wor d Federation of UNESCO c ubs, centers and associations

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация
Восточного управленческого округа
Правительства Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной информации»
(620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

18+

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и со ссылкой на журнал «Веси». Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах журнала без дополнительного согласования с автором.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Обложка: (1): Общее собрание Уральского отделения Российской академии наук в актовом зале Института физики металлов УрО РАН..

Подписано в печать 28.12.2024 г.

Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа Принт» 620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. www.alfaprint24.ru Тираж 2500 экз. Цена свободная.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ПАВЛА ГРИГОРЬЕВИЧ ДЕМИДОВА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Наталья ПАКШИНА.

Кандидат технических наук, доцент Арзамасского политехнического института (филиала) НГТУ им. Р.Е.Алексеева. Автор семи монографий исторического и краеведческого характера, член СВРТ, действительный член общества «Нижегородский краевед».

В статье рассматривается хронология владения демидовскими землями Нижегородской губернии в рамках ветви действительного статского советника, основателя Ярославского высших наук училища Павла Григорьевича Демидова (1739–1821). Он был не только известным ученым натуралистом, путешественником, меценатом и промышленником, но и как внук Акинфия Никитича Демидова весьма крупным землевладельцем, унаследовавшим, в том числе, земли в Нижегородской губернии.

Про владения П.Г.Демидова на ярославской земле писали практически все авторы, обращающие к тематике, связанной с Демидовыми, поскольку для основания этого учебного заведения он принес в дар Ярославлю свои ярославские вотчины, расположенные в Угличском и Романовском уездах. Кроме того, значительную часть дохода это учебное заведение должно было получать с 3578 крепостных крестьянских душ, а по его собственным словам, были эти крестьяне «в Ярославской губернии за мной состоящие и самим мною приобретенные» (1330 муж. пола из романовской вотчины и 2240 – из угличе-

Павел Григорьевич Демидов

ских деревень)[1],[2]. Некоторое несовпадение в количестве крестьян объясняется тем, что за время переписи появилось еще несколько человек.

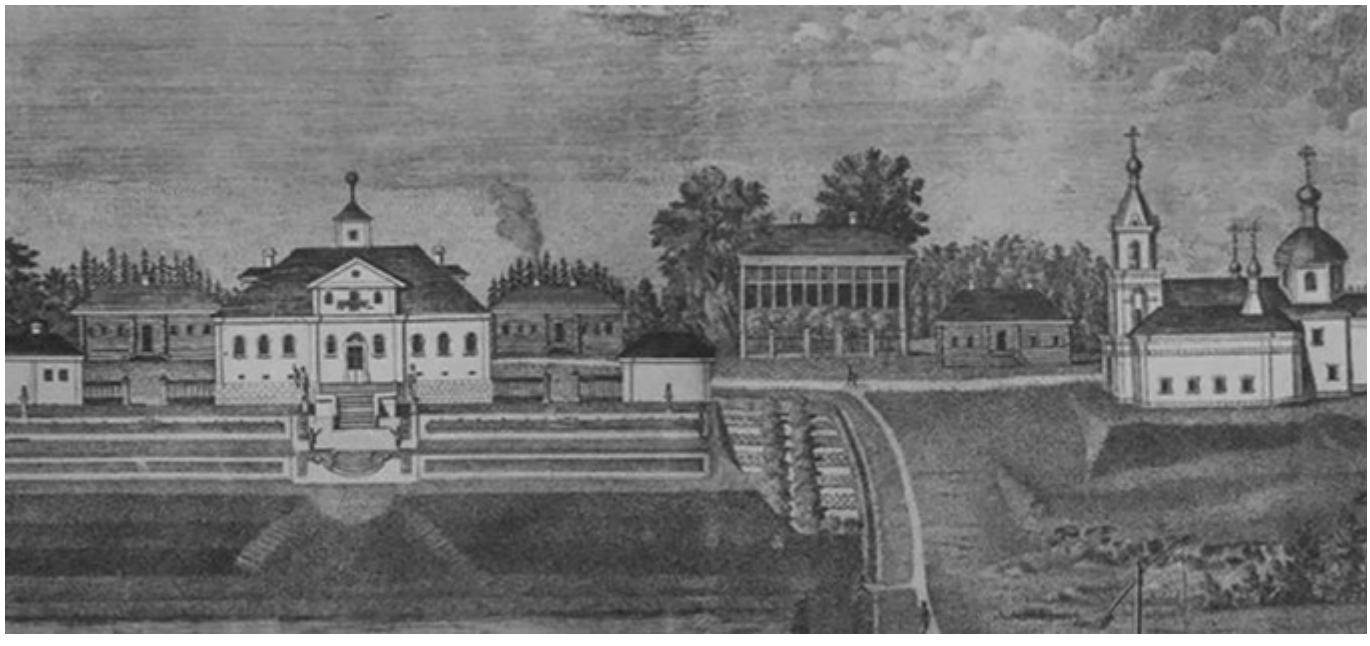
О подмосковном имении Леонове, «или, как он называл обыкновенно в своих письмах «Левонове»», где П.Г.Демидов проживал достаточно длительный период, упоминали также многие исследователи[3]. Действительно, приобретя его на аукционе 5 июля 1767 года у Хованских, он жил здесь в

Автор благодарит официального представителя Международного Демидовского Фонда в Нижегородской области Александра Михайловича Дюжакова за предоставленные карты и справки по селениям, некогда принадлежавшим Демидовым.

[1] Головщиков К.Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803–1886 гг.). – Ярославль: Тип-я Г.В.Фальк, 1887, II. С. 15, 17.

[2] Барщевский И.Ф. Исторический очерк города Ярославля, составленный действительным членом Ярославской ученой архивной комиссии / Историко-краеведческое издание «История губернского города Ярославля». – Ярославль: изд. Александра Рутмана, 2006. – 518 с. С. 254.

[3] Головщиков К.Д. Указ. соч. С. 26.

Усадьба в Леоново

летний период (а в старости и в зимний) на протяжении более чем пятидесяти лет.

В Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) имеется копия «Грамоты Московской губернии дворянина Берг-коллегии Павла Григорьевича Демидова», в которой говорится о том, что он «4 Марта 1792 г. внесен в Дворянскую родословную Московской губернии книгу в первую ея часть»[1].

А вот к теме, связанной с принадлежащими ему землями, селами и деревнями в Нижегородской губернии, обращались единицы. Среди них необходимо отметить краеведов из Лыскова С.А.Туманину и Е.И.Туманину, которые постарались осветить вопрос имений Павла Григорьевича на территории Макарьевского уезда в своей статье «Из истории села Красный Оселок»[2].

Но сначала поместим краткую справку о связи тех мест с тульскими и уральскими промышленниками Демидовыми. Чтобы построить на Урале заводы и добывать руду, необходимо было иметь очень много работников. А свободных людей в России того времени было крайне мало. Свой дворянский титул Демидовы получили во многом благодаря приобретенным землям в Нижегородской губернии, которые еще 1720 году начал активно скупать основатель Никита Демидов. Например, известно, что Н.Ф.Головин продал ему Фокинскую вотчину (за 30 тысяч рублей) в 1720 году, а село Сомовку – в 1721 году[3]. 21 сентября 1720 года Никита был возведен в «благородное дворянское достоинство» с присвоением фамилии Демидов. Спустя шесть лет, уже после смерти отца, в марте 1726 года его сыновьям Акинфию, Григорию и Никите был выдан дворянский диплом «по Нижнему Нову Городу», т.е. по приобретенному их отцом имению.

Но достаточно длительный период сами Демидовы в Нижегородской губернии не жили, а только отправляли местных крестьян на свои уральские заводы. 1722 год стал годом начала массового переселения крестьян этого района на Урал для работы на Демидовских заводах. Но только ли в Туле и на Урале были построены Демидовыми металлургические заводы? Нет, было такое производство и в Поволжье, которое в Васильсурском уезде в окрестностях села Фокина наладил сын Никиты Демидова Акинфий. Сейчас известно, что на вотчинной земле села Фокино, а точнее на речках Чугунка и Корелка в 1830 году было построено три передельных металлургических предприятия,

[1] ЦАНО. Ф. 639. Оп. 125. Д. 7580, Л. 5 об., 6.

[2] Туманина С.А, Туманина Е.И. Из истории села Красный Оселок // Сборник «Записки краеведов». Выпуск 3. «Пусть не прервется связь времен…». – Лысково, 2019. С. 22–31.

[3] Фокинская вотчина Демидова, Нижегородский уезд. // ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 21. / Материалы форума. – URL: http://wap.rodgersforum.borda.ru/?1-7-0-00000201-000-0-0-1466004995 (дата обращения 30.08.2024).

т.е. литейное производство на них отсутствовало. Чугун на эти предприятия доставлялся с уральских доменных заводов. Прокофий Акинфиевич Демидов продал заводы на Урале, производство на Фокинских заводов остановилось, произошло это приблизительно в 1768 году[1].

Земельные владения Демидовых находились к востоку от Нижнего Новгорода и были рассредоточены вдоль берегов Волги, но больше всего их было расположено на территории современных Лысковского и Воротынского районов. Начиная с 1714 по 1779 год эти земли относили к Макарьевскому и Васильсурскому уездам Нижегородской губернии, с 1779 по 1796 год – к Нижегородскому наместничеству, а с начала 1797 года произошло обратное переименование в губернию.

Итак, землями владел изначально основоположник рода Никита Демидов, позже трое его сыновей. Что же было потом? Поскольку Павел Григорьевич Демидов являлся потомком Акинфия Никитича, в данной статье остановимся на рассмотрении только этой ветви рода. Дальше в результате долгих тяжб за наследство нижегородские владения в Васильсурском уезде достались его старшему сыну Прокофию (встречается также Прокопию), который еще при жизни передал их сыновьям Акакию, Льву и Амосу. Отцу Павла Григорьевича Демидова тоже перешло значительное количество земель, сел и угодий в нижегородском Поволжье, главным образом в Макарьевском и Васильсурском, и немного в Княгининском.

А теперь обратимся к документам Центрального архива Нижегородской области, а именно к «Делу Коллежского Советника П.Г.Демидова о внесении в Дворянскую Родословную книгу Нижегородской губернии»[2]. В нем имеется перечень владений Павла Григорьевича Демидова на 1793 год, основанный на материалах 4-й ревизии, с указанием количества душ[3]. Для наглядного представления отобразим информацию в структурированном виде. Грамота на дворянство в Нижнем Новгороде была ему выдана 31 декабря 1794 года[4].

Большинство некогда принадлежащих П.Г.Демидову населенных пунктов без труда находятся и на современной карте, хотя у некоторых незначительно изменены названия и статус, например, Оселок стал называться Красным Оселком, а Белозериха стало селом. Многие из перечисленных селений расположены вдоль рек Волги, Имзы и Урги.

Стоит обратить внимание на такую деталь, что П.Г.Демидов не просто являлся владельцем этих сел и деревень, но здесь некогда находилось его имение. Откуда это стало известно? Один из первых биографов Павла Григорьевича Демидова К.Д.Головщиков, говоря о десятилетии с 1762 по 1772 год, писал: «В это время Демидов жил постоянно зимою в Москве, а летом или в Нижегородском имении, или, больше и чаще, в подмосковном своем селе Леонове верстах в 6 от Ярославской заставы влево от шоссе, на Яузе»[5]. Но мы знаем, что Леоново было приобретено в июле 1767 года, т.е. первые пять лет он проводил в имении Нижегородской губернии. Где оно находилось, пока нам не известно. Еще стоит указать, что женился Павел Григорьевич в 1763 году на Анне Сибирской (урожд. Глебовой). В 1766 году П.Г.Демидов уже овдовел, поскольку Анна Демидова утонула[6]. Тут возникает и еще вопрос: «Где это могло произойти?» Если лето они проводили в Поволжье, то есть вероятность того, что утонула здесь. Но пока это только предположение.

Сам он прожил большую и насыщенную жизнь. Владея громадными богатствами, Павел Григорьевич большую ее часть провел в научном труде[7]. Как стало известно, Нижегородские владения оставались за ним и тридцать лет спустя после того, как он овдовел.

Например, в ЦАНО имеется дело, в котором говорится о том, что в Васильсурском

[1] Дюжаков А.М. Железоделательные заводы Акинфия Никитича Демидова в Нижегородском уезде (по описям 1746 г.) // Доклад на заседании общества «Нижегородский краевед», Нижний Новгород, 27 декабря 2023 года.

[2] ЦАНО. Ф. 639. Оп. 125. Д. 7580.

[3] ЦАНО. Ф. 639. Оп. 125. Д. 7580., Л. 7.

[4] ЦАНО. Ф. 639. Оп. 125. Д. 7580., Л. 10.

[5] Головщиков К.Д. Указ. соч. С. 6.

[6] Краснова Е.И. Такие разные Демидовы: сб. статей. Е.И.Краснова. – СПб.: СПГУТД, 2007. С. 122.

[7] Чернышев А.С. Павел Григорьевич Демидов. 1738–1821. // Былое. С. 121–125. С. 125.

Уезд	Тип поселения	Название	Количество крестьян
Княгининский			
	деревня	Синцово	62
Макарьевский			
	село	Васильское	66
	деревня	Оселок	276
	деревня	Покровское	38
Васильский			
	село	Варганы	390
	село	Покровский Майдан	326
	село	Криуша	369
	деревня	Белозериха	288
		Итого	**1813** душ

Владения П.Г.Демидова в Нижегородской губернии на 1793 год

уездном суде рассматривали дело о размежевании земель и мучных мельниц между деревней Быковкой, побережьем реки Корелки и селом Покров-Майдан[1]. В документах, датированных 1791 и 1792 годами представлена информация о споре между Павлом Григорьевичем Демидовым, прапорщиком гвардии, и его двоюродными братьями Акакием и Львом Прокофьевичами Демидовыми[2]. Почему возник спор о результатах межевания? Большинство сел и деревень Павла Григорьевича расположены ближе к Лыскову, но были две вотчины, доставшаяся Григорию Акинфиевичу, – Криуша и Покровский Майдан, которые находились в окружении земель, принадлежащих потомкам Прокофия Акинфиевича.

И все же, какую роль нижегородские землевладения играли в его жизни? Павел Григорьевич на протяжении многих лет занимался благотворительностью в сфере образования, сам ведя очень скромный образ жизни. Например, В 1805 году он пожертвовал для предполагаемых университетов в Киеве и Тобольске по 50 000 рублей, Московскому университету Демидов выделил сумму в 100 000 рублей, не говоря о многократной передаче учебным заведениям книг, коллекций монет и медалей. А учитывая, что к началу XIX века он уже не являлся владельцем уральских и других заводов, по всей видимости, именно доход от унаследованных им в Нижегородской губернии сел и деревень шел на нужды благотворительности.

Скончался известный ученый-естествоиспытатель, путешественник и благотворитель Павел Григорьевич Демидов 1 июля 1821 года в возрасте 82 лет в Леонове. Его похоронили в Москве в Спасо-Андрониковом монастыре. На могиле был установлен памятник из белого мрамора.

Что касается наследников, по утверждению того же Головщикова: «Овдовел он еще молодым; детей после него не осталось»[3]. Вообще вопрос с наследованием не простой, поскольку ветвь Григория Акинфиевича Демидова была самой многочисленной во всех поколениях[4].

А кто из ближайших родственников был жив в 1821 году после кончины Павла Григорьевича? Брат Петр Григорьевич (1740–1826) и племянник Георгий Александрович (1767–1827). Оба они пережили Павла Григорьевича приблизительно на пять лет. Кому перешли эти земли позднее?

В статье Тумановых дальнейшее повествование касается не всех перечисленных сел и деревень, а только некоторых, об Оселке, в частности, можем прочесть: «В 1834 г. селом владел Демидов Алексей Петрович. Возникают вопросы, какое родство между Павлом Григорьевичем и Алексеем Петровичем; как происходило наследование?»[5]

Поясним, Алексей Петрович (1777–1839) – племянник, сын Петра Григорьевича. О нем известно, что он был артиллерии полковником, писателем, владельцем Ревдинских и Рождественских заводов (1833–1839) и дома в Петербурге на углу

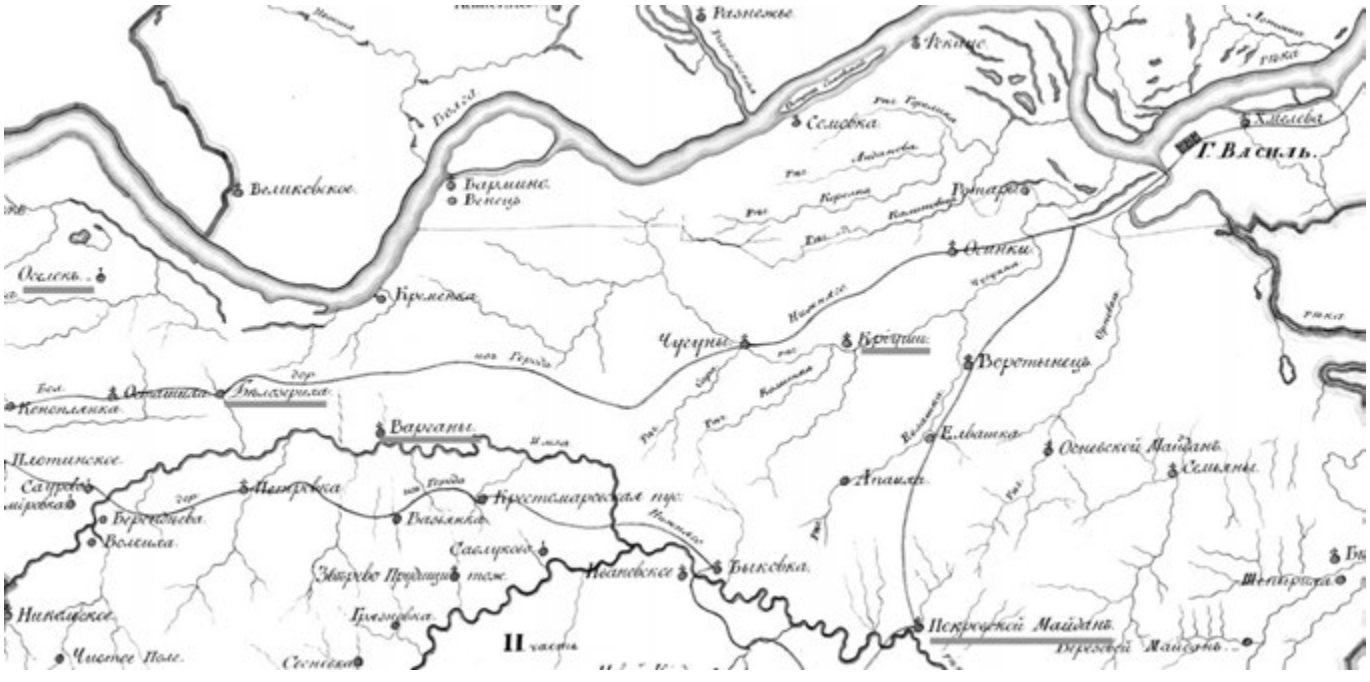
[1] Богина Т.Е., Бондаренко А.Ю. Демидовы. Книга 2-я: Россия Демидовых. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2022. – 176 с., С. 34, 35.

[2] ЦАНО. Ф. 155. Оп. 100. Д. 9., Л. 1–3.

[3] Головщиков К.Д. Указ. соч. С. 26.

[4] Краснова Е.И. Демидовы на родине и за рубежом. // Демидовы в России и Италии. Опыт взаимного влияния российской и европейской культур в XVIII–XX вв. на примере нескольких поколений семьи Демидовых. – М.: Издательский центр «Концепт-Медиа», 2013. С. 370.

[5] Туманина С.А., Туманина Е.И. Указ. соч. С. 27.

Владения П.Г.Демидова на карте губернии за 1800 год

Кедр, посаженный П.Г.Демидовым. Леоново. 1907

Демидова пер. (пер. Гривцова) и Мещанской (Казанской ул.). В 1800 году женился на Марии Денисовне Мельниковой. В этом браке родилось 5 сыновей и 4 дочери. Трое сыновей умерли в молодом и младенческом возрасте.

После смерти Алексея Петровича деревни и села Нижегородской губернии принадлежали его вдове до 1856 года. На момент кончины матери из сыновей были живы только Денис Алексеевич (1813–1876) и Петр Алексеевич (ок. 1819 – середина 1880) [1].

Так вот по раздельной записи Денису Алексеевичу достаются в Нижегородской губернии села Варганы, Белозериха и Оселок, в которых насчитывалось 1125 душ мужского пола[2]. Это, как видим, меньше, нежели было у Павла Григорьевича Демидова, поскольку села Криуша и Покров-Майдан, а также деревни Покровка (Покровское) и Синцово были проданы ранее[3].

Но прежде того, как Денис Алексеевич вступил в наследство, в его жизни произошли многие события, о чем удалось узнать из его формулярного списка. В молодости он служил в гвардейских полках. В 1840-е годы был адъютантом С.-Петербургского военного генерал-губернатора.

Через полгода после кончины первой супруги Марии Федоровны Демидовой (урожд. Миркович) он женился вновь, в этот раз на британской подданной. Как значится в его формулярном списке: «1854 год 11 ноября по Высочайшему повелению был предан суду за отлучку и женитьбу без разрешения начальства»[4]. Этот проступок очень серьезно сказался на его карьерном росте и дальнейшей судьбе.

От двух браков у него родилось 17 (или 15) детей. Многие умирали в младенчестве. Во всех формулярных списках разные наборы имен.

Денис Алексеевич Демидов владел этими землями достаточно короткий период в конце 1850-х. Еще известно, что майор Денис Алексеевич Демидов «3-го апреля 1860 внесен во 2-ю часть дворянской родословной книги Нижегородской губернии»[5].

Денис Алексеевич доводился Павлу Григорьевичу уже внучатым племянником. Он оставил после себя нехорошую память в Поволжье благодаря тому, что «всевозможными притеснениями крестьян, принадлежащих ему сел (Варганы, Белозериха, Любимово) вызвал 1857–1858 гг. массовые волнения»[6]. Уточним, что Любимово – другое название Оселка. В ЦАНО нами была изучена подборка документов по данному делу – «Переписка о принятии мер к прекращению беспорядков имении помещика Макарьевского уезда Майора Демидова, 1857–1858 годы» [7].

Захоронение П.Г.Демидова

А еще в ЦАНО автору удалось отыскать дело с красноречивым названием «Переписка о противозаконных поступках Демидова, выразившихся в наказании 18-ти летней горничной Е.Долгорыбиной 100 ударами розг и отрезании косы, 1858», датированное 1857–1859 годами[8]. И хотя сто ударов не подтвердились, отрезанная русая коса до сих пор храниться в деле. Эта, безусловно, интересная тема требует отдельного рассмотрения.

Как сложилась служба и личная жизнь Д.А.Демидова после этих событий? В последующие годы ему довелось жить в разных местах и регионах. В 1869 году Денис Алексеевич был определен полицмейстером в Полоцк, где служил до смерти. Умер Денис Алексеевич Демидов в 1876 году и погребен был в Крестовоздвиженском мо-

[1] Краснова Е.И. Такие разные Демидовы: Указ. соч. С. 137.
[2] Краснова Е.И. Такие разные Демидовы: Указ. соч. С. 76.
[3] Сведения о помещичьих имениях. Т. 2. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. 1860 год. Нижегородская губерния. С. 26, 28.
[4] ЦАНО. Ф. 639. Оп. 125. Д. 7580., Л. 3.
[5] ЦАНО. Ф. 639. Оп. 125. Д. 7580., Л. 14.
[6] Туманина С.А., Туманина Е.И. Указ. соч. С. 25.
[7] ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Д. 4418.
[8] ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Д. 4493.

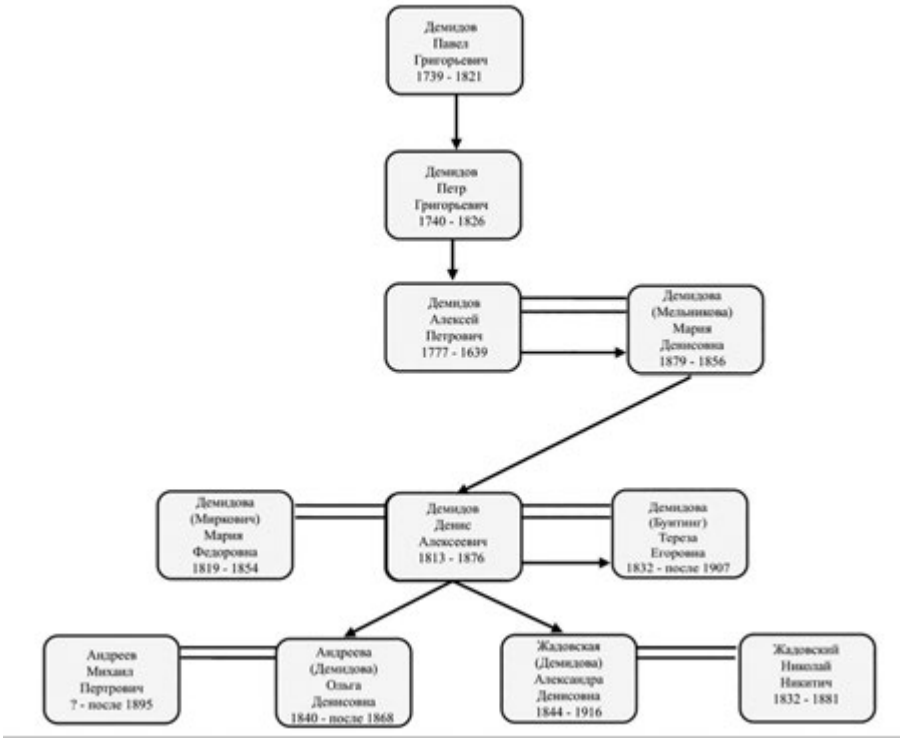

Схема наследования имений П.Г.Демидова в Нижегородской губернии

настыре Нижнего Новгорода[1].

О наследниках Д.А.Демидова мы знаем не столь много. Его жене Терезии Егоровне Демидовой (урожд. Бунтинг) досталось село Оселок. Дочери от первого брака Ольга (1840 – после 1868) и Александра (1844–1916) после замужества унаследовали нижегородские имения. Старшая дочь, ставшая Ольгой Денисовной Андреевой, получила деревню Ольгино и село Варганы, а Александра Денисовна Жадовская – село Белозериха[2].

Обобщая результаты поисков по наследованию Нижегородских имений Павла Григорьевича Демидова, мы получим схему.

Сын Михаил стал Олонецким губернатором. Дочь Юлия Денисовна Демидова (1870 – после 1895) в 1888 году окончила Нижегородский Мариинский институт благородных девиц и при выпуске была награждена книгами[3]. Еще до нас дошли сведения, что два младших сына Евгений (род. 1866) и Роман (род. 1868) Денисовичи Демидовы в начале XX века были живы. Но эти дети Дениса Алексеевича Демидова перед революцией вместе со своими семьями находились далеко от Нижегородской губернии и прямого отношения к имениям в Поволжье не имели.

Итак, в этой статье мы рассказали о жизни и родственных связях действительного статского советника, основателя Ярославского высших наук училища (которое позже называлось не иначе, как Демидовский лицей) Павла Григорьевича Демидова. Биография и деятельность этого человека, как мецената, достаточно хорошо изучена, об этом пишут уже порядка двух веков. В данной публикации мы рассмотрели П.Г.Демидова, главным образом, как крупного землевладельца, делая акцент на его имениях в Нижегородском наместничестве (позже Нижегородской губернии), доходы с которых в определенной мере способствовали благотворительности. Кроме того, мы коснулись малоизученных вопросов наследования и попытались выяснить цепочку перехода имений от родственника к родственнику после смерти П.Г. Демидова. На настоящий момент осталась неясной история некоторых владельческих сел и деревень за период, начиная с 1861 по 1917 годы. Того, кто заинтересовался этой тематикой ожидает кропотливая, но вместе с тем очень увлекательная работа.

[1] Шевченко Т.Г. Дневник / Т.Г.Шевченко / Пред. Л.Старчакова, редакция, вступительная статья и прим. С.П.Шестерикова. – Москва-Ленинград: ACADEMIA, 1931. – 437 с. С. 362.

[2] Список населенных мест Нижегородской губернии 1911 год. – Нижний Новгород: изд. Ниж. губ. земства, 1911. 144 с. С. 61.

[3] Снежневский В.И. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц. 1852–1902 гг./ сост. В.И.Снежневский, – Нижний Новгород: тип. У.А.Скирмунт, 1902. 189 с. С. 136.

РОЖДЕНИЕ ГОРОДА В КАЗАХСТАНЕ

Циля Львовна ЯНКОВСКАЯ

Об этом городе на берегу озера-моря я слышала с детства. Там в середине тридцатых годов жил мой отец. Его родители, Рафаил Акивович и Циля Львовна Янковские, оставив четырехкомнатную квартиру в Ленинграде с видом на Петропавловскую крепость, переехали в двухкомнатную в Балхаше с видом на строящуюся ТЭЦ, чтобы быть с теми, кто возводил город в солончаковой степи Казахстана рядом с открытым в 1928 году месторождением медной руды. Рассказ об этом периоде в жизни города и страны вошел в мемуары моей бабушки Ц.Л.Янковской.

Запись на сайте Балхашской городской библиотеки: «Книга “Ровесница века” – это воспоминания Цили Львовны Янковской (1901–1996), она подготовлена к публикации и прислана нам ее внучкой Т.В.Ямром (Янковская), ныне проживающей в США. Книга вышла в Санкт-Петербурге в издательстве “Наука” в 2018 году. Ц.Л.Янковская – нейрофизиолог, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института физиологии им. академика И.П.Павлова и других учреждений АН СССР, она была активной свидетельницей и участницей всех событий XX века. Для нас большой интерес представляет описание периода ее жизни на Прибалхашстрое в середине 30-х годов, воспоминания о начальнике строительства В.И.Иванове, секретаре парткома Т.С.Назаренко, ее деятельности в нашем городе в качестве заведующей районным отделом народного образования, годах заключения в Карлаге. Книга вызовет интерес у широкого круга читателей, интересующихся историческим периодом XX века и судьбами людей этого времени».

Ниже представлены отрывки из четвертой главы мемуаров Ц.Л.Янковской, описывающей события между 1935 и 1940 годами. В послеперестроечный период возникло много мифов о том, как развивались окраины большой страны, в том числе национальные. Живой, искренний рассказ Ц.Л.Янковской – важное свидетельство того, как жили и работали люди предвоенного поколения. Их энтузиазм был огромен. Янковская пишет: «Мне было очень легко работать, так как наше строительство было любимым детищем всех партийных и государственных учреждений в Караганде и Алма-Ате».

И вдруг – как обухом по голове – начинаются аресты ведущих специалистов и руководителей стройки. «Как такое могло произойти?» – снова и снова задает себе вопрос Циля Львовна. Интересно ее видение этой проблемы, в реальном времени и изнутри, так как она знала многих выдающихся ученых, деятелей культуры, партийных руково-

Подготовка текста и комментарии Татьяны Янковской

дителей России, Украины, Белоруссии и Казахстана в 20-е и 30-е годы, и при этом работала с широкими массами городского и сельского населения с разным уровнем образования и социальным статусом.

Знание истории как она есть, не искаженной политической конъюнктурой и сиюминутными коммерческими интересами, чрезвычайно важно. Без этого не может быть будущего.

* * *

Несмотря на большую нагрузку, Рафаил[1] тяготился своей спокойной, бесхлопотной жизнью, в то время как в стране шла такая грандиозная стройка. «Нечем будет молодость вспомнить», – говорил он. Мне казалось, что жизнь Рафаила далеко не бесхлопотна, но он не переставал мечтать о работе на какой-нибудь большой стройке в Казахстане, богатство недр которого, по его мнению, было неисчерпаемо. И вот удобный случай: его старый товарищ по совместной работе в 1920 году, а ныне секретарь горисполкома Ленсовета Т.С.Назаренко получил назначение в качестве парторга ЦК на Балхашстрой. Он предложил Рафаилу ехать вместе. Рафаил загорелся. А я обещала после состоявшейся защиты диссертации взять годовой отпуск за свой счет и приехать на год с детьми.

Рафаилу, несмотря на препятствия со стороны ЛОКА[2], ЛГУ и горкома, удалось уехать. Дома, а потом и на вокзале его провожало большое количество товарищей, друзей, аспирантов. Проводы были очень веселыми. Мы с мамой приготовили вкусное угощение. Все были молоды. Много дурачились, состязались в силе и ловкости. Прыгали через несколько стульев в длину. Рафаил был самым спортивным и ловким.

Вскоре я с детьми уехала на Балхаш. На Балхаше Рафаил получил двухкомнатную квартиру в одном из двух первых трехэтажных домов в квартале «а», на втором этаже. Окна наши выходили на большую площадь, за которой возводилось здание ТЭЦ. В обоих домах жили специалисты в таких же квартирах, как наша. Сам Назаренко с женой и двумя детьми жил в маленьком домике на западном берегу Балхаша. Кроме наших двух новых домов, были заложены фундаменты еще ряда кирпичных сооружений. А пока имелись большая деревянная баня, деревянный клуб с библиотекой и красивый кирпичный магазин. К осени должен был достроиться корпус большой средней школы.

Рафаил уже работал на всю катушку. Газеты, лекции, семинары, доклады, заседания. Не хватало суток. Сразу после моего приезда меня назначили зав. РОНО, и я занялась подготовкой к учебному году. Нескольких учителей Наркомпрос[3] нам прислал из Алма-Аты, других мы набрали из числа работающих инженеров и их жен. Но плохо было с обеспечением учителей для ребятишек-казахов, которые русского языка не знали. На первых порах мы раскопали несколько человек казахов с двухлетним образованием и одного педагога с высшим дореволюционным образованием. Этого товарища – Бегалиева – нам послал бог. Он был мужем женщины-инженера, тоже казашки, которая работала на обогатительной фабрике. Понадобились учителя как русские, так и казахи, для первой ступени. Я заручилась согласием начальника строительства В.И.Иванова, составила смету на организацию педтехникума, запаслась ходатайством и полетела в областной центр – Караганду. Не помню всех мытарств по учреждениям, но когда я пришла к секретарю обкома партии т.[4] Пинхасику, я встретила полное понимание им наших нужд и полное сочувствие. Он при мне позвонил в соответствующие учреждения, и я вернулась с утвержденной сметой на 40 тысяч рублей. Начальник строительства выделил два барака для интерната, для мальчиков и девочек. Сама я вместе с казахом-педагогом поехала на грузовой машине вербовать детей в школу по кочевьям и маленьким поселкам. Стройка обеспечила нам всё необходимое для бараков, завезли топливо. Я часто летала в Караганду и Алма-Ату, чтобы закупить всё необходимое: учебники, пособия, парты, а также домры для будущего школьного оркестра.

Надо сказать, что мне было очень легко работать, так как наше строительство было любимым детищем всех партийных и государственных учреждений в Караганде и Алма-Ате. На Балхаш потянулись на работу и строительство казахи, которые до сих пор вели полукочевой образ жизни. А рабочие были очень нужны, так как строительство ширилось. Город рос не по дням, а по часам. Неграмотность прибывающих рабочих была стопроцентная. Не теряя времени, я организовала для них курсы ликбеза.

[1] Янковский Рафаил Акивович (1896–1938) – философ, научный работник, участник Гражданской войны. В 1920-е годы работал как организатор и лектор в сфере подготовки кадров (рабфак, совпартшкола, агитпроп) в Гомеле, Почепе, Ярославле, Днепропетровске. Редактор газеты «Полесская правда». Окончил аспирантуру Института красной профессуры (1932). Зам. директора и Ученый секретарь Ленинградского отделения Института философии, зав. каф. философии ЛГУ, Военно-политической и Военно-электротехнической академий. С 1935 г. работал в горкоме ВКП(б) Прибалхашстроя.

[2] Ленинградское отделение Комакадемии.

[3] Народный комиссариат просвещения.

[4] Сокр. от распространенного тогда обращения «товарищ».

Чтобы заинтересовать взрослых учебой, я попросила у т. Иванова средства для премирования успевающих. Он, как всегда, с присущей ему широтой дал нам большую сумму денег, на которые мы закупили через торготдел много хороших товаров. Это были очень нужные нашим ликбезникам вещи: предметы одежды, обувь, посуда и другие хозяйственные принадлежности. Записывались и старательно занимались все неграмотные, независимо от возраста (кроме детей, о которых заботились школа и интернат). На общегосударственном совещании в Алма-Ате работников народного образования перед началом учебного года было поставлено мое сообщение о работе ликбеза. Оно было полностью опубликовано в «Казахстанской правде» с моим портретом.

С началом учебного года заработал и наш педтехникум. Педагогами его комплектовали райком партии, руководители строительства и совет жен ИТР[1]. Для педтехникума еще больше, чем для школы, нужны были квалифицированные специалисты. Сама я тоже вела несколько предметов в техникуме и физиологию в школе. В интернат мы подобрали хороших воспитателей, и я каждый день к ним заходила, чтобы проверить, всё ли благополучно. Вот тогда я поняла, какую ответственность я взяла на себя, организуя интернат. Дети были довольны, им нравилось там жить. Ведь они не были избалованы до этого домашним комфортом. Вели они себя хорошо, и я не помню ни одного конфликта в интернате.

Надо сказать, что у меня оставалось очень мало времени для собственной семьи, и я уделяла ей слишком мало внимания. Мои дети и Рафаил помогали мне, как могли. Все сочувствовали моей занятости. Володе было уже четырнадцать лет, а Галочке около десяти. Учились они оба на отлично, обслуживали себя сами. Вели себя организованно и разумно. Володю я приспособила, вместе с другими старшеклассниками, в качестве книгоноши ходить по рабочим общежитиям-баракам. Мы их обеспечили фильмоскопами и диафильмами. Рабочие их хорошо встречали и слушали.

Все мы жили строительством, горели на работе и были очень счастливы. Окна нашей квартиры во втором этаже выходили на стройку ТЭЦ, и я каждое утро вскакивала и бежала к окну взглянуть, на сколько за ночь поднялась труба[2]. Вокруг стройки совершенно не было зелени, даже не было травы – голая соленая степь. А на юге – чудесный, всегда бирюзовый Балхаш. Разработка залежей меди велась в 12 километрах от Балхаша в Коунраде. Время от времени там производились взрывы, которые были слышны и видны у нас. Растительность, в том числе маленькие березки, я видела в горах в 90 километрах от города. К нам приехал работать большой энтузиаст озеленения т. Либерман, который пытался обессолить почву для растений. Мне потом рассказывали, что труды его увенчались успехом, и город Балхаш в настоящее время утопает в зелени. Должна сказать, что голая степь нас в то время не угнетала. Мне казалось, что в ней была какая-то безбрежная красота. Летом там было очень жарко. Нельзя было босыми ногами ступить на землю. Но нам и жара была по душе. Иногда в выходной день Василий Иванович снаряжал вместительный катер и увозил нас далеко в море[3] на прогулку.

Говоря о Балхашстрое, нельзя не сказать о его начальнике – В.И.Иванове. Это был незаурядный человек. Невысокий, очень крепкий, с длинными руками, некрасивый, с длинным суровым лицом, он был не только мозгом, но и душой строительства. До Балхаша он строил Сталинградский тракторный завод. В годы революции он воевал где-то в Сибири, организуя со своим отрядом сокрушительные удары по белым. Дважды попадал к ним в плен, и оба раза убегал от смертной казни. Он обладал очень громким, сильным голосом, был чрезвычайно остроумен. Когда он выступал под открытым небом, его было далеко слышно. Масса всегда реагировала на его выступление то громким смехом, то бурными аплодисментами. Авторитет его был огромен. Он великолепно знал производство и всю его разнообразную технику. Там, где в авариях порой не разбирались специалисты, он всегда оказывался самым опытным из них. Во всех трудных случаях говорили: без Василия Ивановича не разобраться. Смелый, решительный, рисковый, с широкой душой – у него на всё находились средства. Только работай! И все работали.

При нем был главным инженером т. Александров. Высокий, худой, малоразговорчивый. Типичный интеллигент. До Балхаша он практиковался в Англии, оттуда привез свою жену Ольгу. Среди жен ИТР было много знающих иностранные языки. Но помощь Ольги мы особенно много использовали.

[1] Инженерно-технические работники.

[2] Балхашская теплоэлектростанция, оснащенная в 1930-е годы современнейшим оборудованием, остается источником самой дешевой электроэнергии в Казахстане. Но владеет ею корпорация Самсунг: в 1995 г. правительство приняло акт о передаче ей ТЭС.

[3] Балхаш – второе по величине непересыхающее соленое озеро (после Каспийского моря). Местные жители называют его морем.

В этот год секретарь ЦК Партии Украины П.П.Постышев призвал весь наш народ вернуть детям радость: устраивать для них новогоднюю елку. Нам эта идея пришлась по душе. В.И. отпустил нам для этого большую сумму денег. Мы потратили их на покупку елок, елочных украшений, которые пришлось выписывать издалека, а главное – на подарки детям. Из Москвы мы выписали много хороших книг, которые в то время издавались для молодежи. Это были прекрасно изданные однотомники классиков и другие книги. И сама елка, нарядная, красиво украшенная, и угощение, и веселье – всё было большой радостью для наших ребятишек и их родных, настоящим праздником. Но особенную радость старшим ребятам доставили книги. Это были их первые собственные книги, да еще такие чудесные. Я потом наблюдала, как бережно, как святыню, хранили они эти книги. Я попросила Василия Ивановича, Назаренко, Рафаила и некоторых других известных у нас людей поехать со мной к ребятам на елку. Это было большим событием, которое потом долго вспоминали. А через пару дней в выходной Тит Степанович Назаренко и его милая жена Рива Гехт[1], которую в Гомеле называли «губкомовской босоножкой» (мы с ней в Гомеле дружили и обе ходили босиком, потому что в 1920 году у нас не было туфель), собрали у себя человек тридцать актива. Было очень весело, непринужденно. Было хорошее угощение. Много пели, но не пили, танцевали, плясали. По нашей просьбе одна из гостей – казашка, жена предисполкома Мусаева, показала нам национальную пляску. Мы все были поражены, так как это было топтание на месте с поворотами. А в школах, клубах, интернатах молодежь училась танцевать и по-русски, и неплохо в этом преуспела.

Летом мы в отпуск не уезжали, были очень заняты. Строительство росло. Рос город. Построили уже много трехэтажных домов, достраивали школу. Росло население. Надо было оборудовать большую школу, подготовиться к новому учебному году. А незадолго до его начала состоялся республиканский съезд работников просвещения, где некоторые из нас, и я в том числе, выступали с докладами. После закрытия съезда министр просвещения т. Баймуханов и зав. отделом школ ЦК партии т. Сахат-Мурадов организовали прогулочную поездку всех зав. отделами образования больших городов, в том числе и Балхаша, на двух легковых машинах в горы. В Алма-Ате было принято по выходным дням выезжать, кто на чем мог, а то и пешком, целыми семьями в горы. Дорога шла по берегу шумной, порожистой реки Алматинки, которая протекала в ущелье на большой глубине. Поднималась дорога постепенно, и вода в радиаторах перегрелась. Пришлось остановиться, дать передохнуть машинам. Я захотела взглянуть вглубь на грохочущую воду. До нее было не более двадцати шагов. Выйдя из машины, я закачалась, как пьяная. За моей спиной раздался хохот. Я ничего не понимала. Растерявшись, я стала доказывать, что я не пьяна. Мои попутчики объяснили мне, что мы находимся на высоте двух километров над уровнем моря.

Привезли нас к двум большим юртам. Внутри юрта была устлана большим ковром, вдоль стен лежали длинные подушки. Мне предложили полежать, пока я адаптируюсь к высоте. Адаптация продолжалась около двух часов, после этого я почувствовала себя совсем нормально. За это время хозяйничавшие казахи-мужчины сварили бешбармак. В одной из юрт на ковре постелили огромную скатерть, на ней расставили тарелочки по количеству гостей. Возле моей тарелки положили нож и вилку. Все гости помыли руки, на которые над тазом поливали воду, расселись вокруг «стола». В центре поставили огромное блюдо с тушеной бараниной, в одной миске рис, в другой сок, в котором варилась баранина. Этим соком каждый поливал свой рис. Мне первой Сахат-Мурадов отрезал кусок губы. Оказывается, так полагалось угощать почетных гостей. Я, как и все, налегла на очень вкусную баранину. В соку лежал кусок сваренного в нем теста, который выглядел прозрачным и был необыкновенно вкусным. Не помню, было ли вино. Какой-то напиток был, только не хмельной.

Вокруг юрт был могучий лес, кустарник. Небо, небо, а внизу – даль и вид на далекую, безбрежную степь. Пировали мы дотемна. Сахат-Мурадов на этот раз сел в одну машину со мной. Сидя рядом, взял мою руку и начал гладить. Я както видела его жену, высокую красивую женщину в кожаной куртке. Она заведовала курсами марксизма при ЦК. Стараясь отнять руку, я его спросила, как бы он отнесся, если бы на моем месте сидела его жена, а на его – мой муж. Он рассердился, бросил мою руку и ничего не сказал. Вниз мы приехали быстро.

Каждый раз в Алма-Ате я останавливалась в семье двоюродной сестры Рафаила – Рахили Переплётчиковой. Она была педагогом, а муж ее, Миша Рабинович, был зам. министра

[1] Гехт Регина Самойловна – учитель истории, завуч Балхашского горно-металлургического техникума, инспектор гороно.

не то финансов, не то земледелия. У них были дети: два мальчика и одна девочка. Это была очень милая, хорошая семья, и мне у них было приятно. Балхашстрой имел в Алма-Ате собственный домик с фруктовым садом и постоянно жившей в нем уборщицей. Туда всегда заезжали и жили там наши командировочные, но меня мои милые родственники забирали к себе. Однажды мы с ними всей семьей поехали в горы на выходной день. Красивый белый дом Балхашстроя стоял в большом фруктовом саду. Мы подъехали и пошли к нему по садовой дорожке, мимо прекрасных деревьев, на которых и под которыми были крупные яблоки. Мне казалось святотатством, что такие чудесные яблоки валяются на земле. Я начала их собирать, но охапку заполнили лишь несколько яблок. И я их осторожно положила на землю. Перед отъездом родственники положили мне в чемодан один ряд яблок, но для второго ряда таких красавцев места уже не было. Тогда они доложили маленьких яблочек-лимонок, тоже очень вкусных. Всё это я привезла домой на Балхаш.

В Алма-Ату и Караганду мне приходилось летать часто, так как нужно было многое покупать, благо, Василий Иванович поддерживал все наши затеи и охотно подписывал все счета. Осенью мы, как и по всей стране, провели учительское совещание, которое нас всех сплотило. Самыми квалифицированными педагогами у нас были Бегалиев и преподаватель физики и математики Виктор Антонович. Оба они также преподавали в педтехникуме. Как завуч Виктор Антонович пришел ко мне однажды на урок физиологии. После урока я его спросила: «Ну как?» Он ответил, что самое замечательное – это то, что вы сами увлекаетесь. А я ждала анализа урока.

В моей работе мне много помогал Рафаил. Он был в курсе всех моих планов и забот. Часто вводил разумные коррективы, иногда одергивал, чтобы не зарывалась. Мои удачи, особенно с педтехникумом, он объяснял не только тем, что это Балхаш, но и заразительностью моей увлеченности. Теперь я понимаю, что меня можно было похвалить, но никто этого не делал, а сама я считала, что так и должно было быть.

Учебный год прошел благополучно, никаких перебоев не было. В сентябре Рафаилу исполнилось 40 лет. Было много гостей, тостов, радости. Разошлись под утро. Я подошла к нему сзади, обняла и сказала: «Ну вот тебе исполнилось 40 лет, а ты жив и ничего не случилось». «Так ведь еще только исполнилось», – ответил он мне. Дело в том, что в юности Рафаил увлекался астрологией. И вот он рассчитал, что, поскольку он родился под каким-то созвездием, у него под каким-то ребром должна быть родинка, и что в 40 лет он утонет. И в самом деле, на указанном месте у него была родинка. И хотя мы оба не были суеверны, всё же, у меня по крайней мере, где-то в подсознании жила тревога. До сих пор вся наша жизнь катилась по прямой, ровной дороге. По ней мы катили, горячо увлеченные работой и учебой, не отвлекаясь от дела.

С этой же зимы у нас начались тревожные дни. На Балхаше начались аресты. Было арестовано несколько инженеров, в том числе наш главный инженер – Александров. До Балхаша он был главным инженером Кузбасса, а до этого, как я уже писала, его посылали для повышения квалификации в Англию. Ко мне приходили убитые горем жены, с которыми у меня был контакт по делам школы и интерната. Для них это было крушением всей их жизни и невыносимой моральной травмой. Они просили меня не верить, что их мужья враги народа. Они приводили мне всяческие доказательства преданности их мужей Советской Родине. Я сочувствовала и верила их искренности, но не могла не верить органам безопасности. Всякий раз я задавала им один и тот же вопрос – может быть, вы не всё о нем знали? Особенно горестно было слушать Александрову. Она нигде не работала, не имела специальности. Положение ее было отчаянное. Все годы замужества она была только женой и матерью. Никаких ценностей у них, как и у всех нас, не было. Родных у нее тоже не было. Куда ехать, куда деваться, как жить?

Вскоре до нас стали доходить вести об арестах в Ленинграде. Одними из первых были арестованы ассистентка Рафаила по кафедре философии в ЛГУ, наша приятельница Татьяна Николаевна Горнштейн и директор института философии ЛОКА Ральцевич. Вскоре были арестованы почти все научные сотрудники ЛОКА во главе с профессором, старым большевиком Кашарским. Рафаил сообщал Назаренко как руководителю парторганизации обо всех катастрофах со своими товарищами. Оба они и мы, жены, были очень встревожены, да и на Балхаше аресты коммунистов и беспартийных инженеров продолжались.

Однажды ночью Рафаила вызвали на экстренное заседание бюро райкома. Вскоре он вернулся исключенным из партии «за связь с врагами народа». Сразу же машину прислали и за мной. Меня также за несколько минут исключили «за отсутствие бдительности».

Отдав партбилет, я сказала, что это у вас нет партийного чутья, и вы – это еще не партия. Через несколько дней нас обоих вызвали в ЦК партии Казахстана в Алма-Ате. Это был большой кабинет с длинным столом, в конце которого поперек стоял другой, вроде письменного. Длинный стол и весь кабинет выглядели торжественно. Вокруг стола сидело человек двадцать. Нас вызывали по одному. Задавали много вопросов, в том числе о связях с арестованными в Ленинграде товарищами.

После возвращения на Балхаш нас обоих срочно сняли отовсюду с работы. Через несколько дней Назаренко спросил меня конфиденциально, что мог сделать Рафаил? Я стала ему рассказывать и доказывать, какой Рафаил честный, самоотверженный коммунист. Назаренко оборвал меня и сказал, что за такие качества из партии не исключают и не репрессируют (совсем как я говорила женам арестованных, которые приходили ко мне), и мое расхваливание глупо.

А через несколько черных дней, 9 марта 1937 года, к нам на квартиру пришел начальник НКВД Головко с двумя сотрудниками арестовывать Рафаила. Рафаил старался нас успокоить, говоря, что это недоразумение, что он непременно вернется и что партия имеет право проверять своих членов, особенно если у них бывали ошибки. Мы верили ему, мы хотели верить, и мы твердо решили ждать. Оставаться на Балхаше, где я была лишена работы, а дети должны были ходить в школу как дети врага народа, не было никакой возможности. Я продала часть книг, и мы уехали в Ленинград, где в нашей квартире при ЛОКА на Дворцовой набережной, 18, жили мои родители.

Перед отъездом с Балхаша я точно знала, что Рафаил находится в тюрьме в Алма-Ате. Живя и работая в Ленинграде (получив разрешение в Смольном, Ц.Л. возобновила работу в Институте физиологии в лаборатории Л.А.Орбели[1]. – Т.Я.), я не переставала писать ходатайства с изложением всего, что я знала, что могло служить ему оправданием. Писала я на имя Сталина, Крупской и Ворошилова, а также многих других старых большевиков, в которых верила. Ни разу ни от кого я ответа не получила. Потом писала в различные организации: верховному прокурору, в управление НКВД в Москве. Я многократно ездила в Москву в эти учреждения, целыми днями просиживала в очередях. Попадала на прием к различным чиновникам, рассказывала, убеждала, просила, приводила разные доводы, но никаких результатов не было, и, так ничего и не добившись, возвращалась домой. А дома мы ждали, ждали и надеялись.

В начале декабря 1937 года ко мне пришли двое, учинили обыск и увели меня в качестве арестантки. В это время я жила с детьми на Васильевском острове на Седьмой линии в коммунальной квартире, в двух маленьких комнатах во втором этаже, которые мне предоставили в порядке обмена вместо моей большой квартиры на Дворцовой набережной, где поселился с женой и ребенком ученый секретарь Иван Башинджанян.

Когда меня увезли, дома осталась одна Галочка. Она уже лежала в кроватке. Ей было одиннадцать лет. Уходя, я с порога на нее посмотрела. У нее было какое-то окаменевшее личико, а над головой лежала тоненькая, беленькая ручка. Девочка моя молчала: ни слез, ни звука. Володи дома не было. Я надеялась, что друзья-соседи подойдут к ней.

Увозили меня в легковой машине-эмке. Повезли на Шпалерную, в тюрьму. Меня ввели в плохо освещенное обширное помещение, где за перегородкой сидел чиновник, которому меня сдали. Вскоре меня отвели в узкую клетку-каморку. Кроме пустого топчана в ней стояла маленькая тумбочка. Всю ночь я не спала, и мне виделись Галочкина ручка, Володя, старенькие родители, но главное – Рафаил, и все-все другие ни в чем не повинные окружавшие нас люди, которые стали жертвой каких-то темных сил. Подумалось даже: фашизм? Что же это такое? Зачем, для чего, почему? А где же партия? Если я до сих пор думала, что, может, Рафаил в чем-то ошибся, что-то сделал не так, то теперь все сомнения отпали. Это было похоже на какую-то странную эпидемию. Можно было сойти с ума. О том, что чувствуют, что едят мои дети, я старалась не думать. Это было слишком страшно. Никаких запасов, никаких накоплений ни у меня, ни у моих родных не было. Моя семья считалась наиболее обеспеченной, и все тянулись к нам. Я знала, что помочь моим детям было некому. Володя учился в 10-м классе. После моего ареста райком предложил срочно исключить Володю из комсомола. Бюро, а потом и общее собрание школы, отказались это сделать. Хотя несколько раз приходили из райкома, настаивая на исключении, Володю так и не исключили.

Меня перевели в тюрьму на Арсенальную, д. 6. Втиснули в камеру на третьем этаже, где уже находились 92 женщины. По обеим стенкам камеры были

[1] Орбели Леон Абгарович (1882–1958), российский и советский физиолог, один из создателей эволюционной физиологии, академик и вице-президент Академии наук СССР, генерал-полковник медицинской службы. Директор ИФ АН.

широкие нары, на которых разместилась основная масса женщин. Они представляли собой очень пеструю массу, как по возрасту, так и по одежде, и по культурному уровню. Темным оставался один вопрос – кто за что? Этого не знал никто. Через несколько дней нас стали вызывать и уводить на допрос. Все возвращались очень быстро, и за один день «допросили» всех. Оказывается, нас водили для того, чтобы ознакомить с обвинительным заключением. У всех без исключения была одна формулировка: «Достаточно изобличена как жена врага народа».

31 декабря во время вечерней прогулки объявили: «Янковская, с вещами выходите». Я подумала, что меня переводят куда-нибудь, где держат заключенных уже не как жен, а как самостоятельных преступников. Освобождения я не ждала. У меня не было перед другими никаких преимуществ. Тревога сжала сердце. Я вышла из строя. Ко мне бросились несколько женщин. Некоторые предположили, что меня освобождают, и стали говорить, как искать их детей.

Пришедший за мной солдатик проводил меня этажом ниже, где за перегородкой у стола сидел военный. Он мне дал какую-то бумажку и паспорт и сказал, что я свободна и могу отправляться домой. Выйдя, сопровождаемая, за ворота, которые за мной сразу закрылись, я остановилась как во сне. У меня не было радости, не было ощущения свободы. Меня захлестнула темная печаль. Как же так? Ведь все остались там! Я увидела трамвай, который шел к моему дому, вошла в него с маленьким чемоданчиком. Какой-то офицер уступил мне место. А у меня мелькнуло недоумение: «Неужели никто не видит, кто я и откуда?»

Дома я застала моих стареньких родителей. О Боже! Этот крик, эти слезы. Володя куда-то ушел с товарищами, а они недавно пришли из-под стены тюрьмы на Арсенальной. Кто-то им сказал, что я там. Но Галочка, Галочка где? Ее назавтра после моего отъезда увезли, забрали в спецраспределитель на Кировском проспекте. Им ее не отдали...

Вот когда мое горе достигло предела. Я металась, я кричала, рыдала. Это горе было много страшнее смерти. На рассвете я помчалась к детдому на Кировском. Но ее там уже не оказалось. Мне сказали, что ее отправили в детдом под Вязьму. Узнав адрес, я назавтра поехала в Вязьму. Ночью, приехав в детдом, я разбудила директора. Поднялись многие из персонала, проснулись дети. Всех взволновал мой приезд, особенно детей. Зав. детдома сказал мне, что они с женой хотели удочерить мою Галочку. Очень уж она пришлась им по душе. Утром нас вышли провожать к саням все обитатели дома. И вот мы с моей доченькой вдвоем в пустом вагоне. «Мамочка, почему я не могу радоваться?» – спросила она меня. Ох, девочка моя, сколько же она выстрадала. С этим я не могу примириться до сих пор.

С этих пор я не могу переносить горе детей. Вот почему в моем доме всегда были чужие, обычно обездоленные, несчастные дети. Это были дети, осиротевшие по воле карательных органов, во время блокады, во время эвакуации. И дети мои считали в порядке вещей, что им приходилось делить с ними каждый кусок поровну. Их боль была моей болью. Имена многих забылись, но некоторые вошли в память на всю жизнь.

Почему и как случилось, что меня 31 декабря освободили из-под стражи, осталось неизвестным, но я предполагала, и до сих пор так думаю, что вызволили меня хлопоты моего дорогого учителя[1]. Известно было, что он неоднократно использовал свое высокое положение для помощи людям. Ходатайства, которые он подписывал, заканчивались перечислением: профессор, академик, вице-президент АН, герой социалистического труда, начальник ВМА[2], генерал-полковник. Обычно ему не отказывали, но при этом выражали недовольство.

Пребывание в тюрьме, в камере жен врагов народа, произвело на меня неизгладимое впечатление. Узнав, что аресты ни в чем не повинных людей являются актами спланированными, а не отдельными недоразумениями, я уже не могла спокойно жить. Молчать, мириться, ничего не предпринимать, сидеть сложа руки, а не бороться. Я не могла ни в чем найти утешения, обрести покой, а тут еще произошли такие же тяжелые события с нашими друзьями, соседями-грузинами. В институте Востоковедения у академика Марра произошли аресты сотрудников, в их числе был арестован мой сосед Мегрелидзе[3]. Его арест был для меня еще одним свидетельством, что в НКВД имеется ужасное вредительство.

За последние пару лет мое убеждение, что в НКВД происходит крупное вредительство в общегосударственном масштабе, сильно утвердилось. Уезжая с Балхаша, мне было трудно вычеркнуть его из своей жизни, и я выписала Балхашскую газету. Из нее я узнала о ходе работ, строительства, жизни и о новых врагах народа. Я узнала, что наш

[1] Л.А.Орбели.
[2] Военно-медицинская академия.
[3] Мегрелидзе Константин (Кита) Романович (1900–1943 или 1944), философ, психолог, социолог.

бывший друг, секретарь райкома Назаренко, тоже репрессирован как враг народа. Позднее ко мне приезжала его жена Рива Гехт, член партии с 1920 года. Она рассказала, что такая же участь постигла и начальника строительства Иванова. В моих глазах это был человек-легенда, человек-КОЛОСС. Арестовывать его пришли в его служебный кабинет шесть человек. Предварительно ему позвонили, что приехала комиссия ЦК партии. Как только к нему вошли, он бросился к ящику стола, но его опередили и отняли револьвер. Василий Иванович сказал: «Ну, ваше счастье, а то бы я вас всех уложил». И он, и Назаренко, как и мой Рафаил, исчезли бесследно, и все другие репрессированные замечательные люди, которые посвятили свою жизнь Советской Родине.

Я больше не могла молчать, я просто не могла жить с моим виденьем, оценкой безнаказанных, жестоких беззаконий. И вот я написала на шести страницах заявление на имя начальника Управления НКВД в Ленинграде, Литейный, 6, тов. Гоглидзе. На этих страницах я высказала клокотавшее во мне чувство протеста, на основании всех фактов, которые были известны, которые противоречили всей нашей советской системе, идеологии, правосудию и т.д. При этом я приводила в качестве иллюстраций только тех, кто уже был репрессирован. Особенно я использовала тех жен врагов народа, которых еще помнила, и которым я уже навредить не могла. Закончила я это тем, что не понимаю, как это партия и правительство доверили жизнь народа карательным органам, в которых безусловно имеет место вредительство, где при закрытых дверях истребляют лучших людей нашего народа, Родины. Я подписалась, указав свой домашний адрес и место работы. Я никому не сказала о своем заявлении, ни с кем не посоветовалась о его содержании. Я боялась, чтобы мне не помешали, не остановили меня. Я прекрасно понимала, что сама себе уготовила казнь. Не пожалела ни детей, ни родителей. Иначе я не могла. Самоубийство, о котором думала как о выходе для себя, ничего не могло изменить к лучшему, а заявление явилось проявлением еще маленькой надежды на то, что не всё НКВД является вредительским. Конечно, будь я более зрелым человеком, я бы поняла, что вредительство в таком масштабе не могло быть секретом от ЦК партии, а главное – от Сталина. Этот мой поступок был результатом моей наивности и – увы! – необоснованной веры. Мой слепой фанатизм был неисправим.

Вскоре меня вызвали к какому-то следователю. Он говорил со мной о заявлении, долго и подробно расспрашивал, но разъяснять мне ничего не стал. Через несколько дней меня опять вызвали к другому следователю более высокого ранга. Так повторялось 5-6 раз. И каждому я выкладывала со всей болью, горячностью, со всей искренностью свою душу. Некоторых я до сих пор помню. Почти все производили на меня хорошее впечатление (Голубев, Божечко[1]). В каждом из них я чувствовала если не друга, то хорошего товарища, который меня понимает. Но один из них был мне чем-то страшен. Очень мрачное белое лицо, черные, какие-то жуткие глаза. Ему я говорила мало, да он и спрашивал мало. К последнему меня вызвали к самому Гоглидзе, на 30 ноября 1939 г. Когда я пришла, мне сказали, что он занят. Вызовут в другой раз. Назавтра началась война с Финляндией. Больше меня не вызывали, а продолжение последовало в 1951[2] году.

* * *

Один из друзей бабушки прозвал ее «очарованная душа», имея в виду героиню одноименного романа Ромена Роллана, женщину-борца, которая принадлежала к авангарду женщин своего поколения. На этом пути невозможно достичь успеха без веры в себя и свое дело. Рассказывая о своем заявлении о вредительстве в органах безопасности, Циля Львовна называет свою убежденность «наивностью, необоснованной верой и слепым фанатизмом». Однако я думаю, что ее заявление было важным и своевременным. Всё происходило так быстро, что большинству в стране, в том числе партийным руководителям и работникам НКВД среднего и низшего звена, не было до конца понятно, чем вызваны столь резкие перемены, тем более что правосудие теперь осуществляли тройки, назначенные во всех регионах согласно приказу Ежова № 00447 от 30 июля 1937 года. В самом деле, как можно было объяснить, почему Первый секретарь Карагандинского обкома партии Г.Д.Пинхасик, о помощи которого пишет Янковская, становится членом особой тройки НКВД и активно участвует в репрессиях против тех самых руководителей стройки в Балхаше, которых он только что всемерно поддерживал? Многие, кого это лично не коснулось, верили в правомочность арестов.

Краевед из Балхаша Сардарбек писал в газете «Индус-

[1] Божечко Антон Францевич, нач. секретно-политич. отдела НКВД ЛО.

[2] В 1951 году Ц.Л.Янковская была повторно арестована и отправлена в лагерь СХОС (сельскохозяйственная опытная станция) в Долинке в Казахстане. Освобождена досрочно в 1955 г. и реабилитирована.

стриальная Караганда» в 2006 году: «В канун пуска медьзавода, 25 февраля 1938 года, в один день, арестовали почти всех руководителей и специалистов БМЗ и города. Среди них были первый управляющий строительством Балхашского медьзавода В.Иванов, главный инженер Н.Степанов, начальник ГРО В.Пухов, директор кирпичного завода И.Павлов-Фейгель, начальник отдела технического снабжения Г.Измайлов, заведующий стройотделом «Прибалхашстроя» С.Квачадзе, передовики производства Н.Аюпов, Е.Аменов, К.Намазбаев – совершенно невинные люди, отдавшие всю энергию и знания строительству Балхаша. Их расстреляли по статье № 58 как врагов народа. За неделю до пуска завода был арестован секретарь горкома партии Т.Назаренко... Все они не дожили до первой плавки, им не довелось увидеть плоды своего труда. А в 1939 году за пуск медьзавода орденами и медалями были награждены те, кто заменил жертв репрессий». Будучи очевидцем этих событий, Циля Львовна определила их как «крупное вредительство в общегосударственном масштабе».

Причин, вызвавших массовые репрессии, несколько, и одна из них – предстоящая реформа выборов. В интервью американцу Р.Говарду в марте 1936 г., Сталин говорил: «Избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные организации... Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти». Многие в партийной элите были напуганы неминуемой потерей своих постов и привилегий, и, хотя новая Конституция была принята в 1936 г., решение по закону о выборах было отложено под предлогом «чистки» региональными лидерами своих районов от «антисоветчиков», чтобы не допустить их проникновения во власть.

Марат Шибутов, казахский политолог и общественный деятель, в августе 2017 года беседовал на эту тему с профессором, доктором исторических наук Лайлой Ахметовой. Дед Марата «был первым председателем горсовета в Балхаше, и против него подняли бунт на партсобрании». За этим стояли два его друга, которые хотели получить его должность. К счастью, Карагандинские власти тогда разобрались, обвинения были сняты. А в скольких случаях не разобрались? Как говорит профессор Ахметова, «коммунистическое барство – появился такой термин. У них же и дачи, и квартиры, и машины или лошади были. У них была прислуга... Сплошная малограмотность, а это значит – невежество по всем пунктам, и борьба за ресурсы, борьба за власть... Вот эти пресловутые тройки. Кто тройки эти предложил?.. Эйхе – первый секретарь Западно-Сибирского обкома партии. Он предложил и продавил на пленуме ЦК... Внутриполитическая, внутрипартийная, внутриместечковая грызня – она как раз и делала свое... Вот Николай Ежов, который и “нашенский”, семипалатинский, он же, будучи наверху, был уверен, что... “мы всесильны, что хотим, то и сделаем!” Это доподлинные его слова. И через месяц он там же, в том же подвале оказался». Из членов Карагандинской тройки (Адамович, Духович, Пинхасик) единственный, кто был арестован, это Пинхасик. Его осудили на восемь лет. Большинство членов троек в стране были арестованы, часть их расстреляна. Все они впоследствии были реабилитированы как жертвы репрессий, хотя именно они их и осуществляли.

Из-за организации и широкой поддержки репрессий партийной верхушкой страны было непросто кардинально изменить ситуацию. В то же время, как сказала Лайла Ахметова, «нельзя перекладывать всю вину... на руководителей. Было и среднее, и низшее звено, и были Павлики Морозовы... И вот это надо воспринимать с позиции тех лет, жить в том году, когда ты знаешь, что завтра и на тебя напишут». Циля Львовна Янковская жила в то время и, увидев, что происходит, она не смогла молчать. Характерно, что пока она, как многие другие, писала во все инстанции, добиваясь пересмотра дела своего мужа, она ни разу не получила ответа. А после ее заявления с ней беседовали следователи, занимавшие высокие позиции, задавали много вопросов. Таких, как она, не побоявшихся в разгар массовых арестов аргументированно заявить о нарушениях законности, было не много – думаю, отсюда интерес в органах безопасности к ее свидетельствам. Они помогали собрать доказательную базу об имевших место злоупотреблениях, чтобы остановить вышедший из-под контроля маховик репрессий.

Представленный текст лишь выжимка из описанного Янковской. Ее воспоминания о своей жизни, «полной радостей и печалей, надежд и крушений, подъемов и падений», написаны живо и увлекательно и содержат много ценной информации, проливающей свет на нашу историю и помогающей увидеть ее такой, как она была.

ИНСТИТУТ ВЗЯТКИ «ЗОЛОТОГО ВЕКА» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

УРАЛЬСКАЯ СПЕЦИФИКА

Дмитрий КРИУШОВ.

Писатель. краевед.

(фото: Андрей Колмаков)

«...При нынешних бдительных и решительных мерах Правительства, искусство брать взятки начинает уже приходить в упадок, и быть может, тайна онаго в скором времени долженствует навек погибнуть, к общему прискорбию нам подобных».

Э.П.Перцов, «Искусство брать взятки…». СПб., Типография Н.Греча, 1830 год.

В век девятнадцатый Россия ворвалась бурей, словно армия Суворова перед альпийским Чертовым мостом – через глыбы устоявшихся при Екатерине обычаев; через бессмысленную беспощадность Пугачевского бунта и леденящую кровь романтику французской гильотины; сквозь пушечную канонаду наполеоновских войн в Европе и почти поголовное дворянское масонство; затем Россия немного дрогнула на шарфе императора Павла, и... вновь понеслась! Но – нет, не «под горку». Россия просто так, «под горку», катиться не может себе позволить. Потому и направление было выбрано истинно героическое, суворовское: «хоть под горку, но – вперед!»

И да простит меня мой добрый читатель, если стиль моего изложения будет несколько старомоден, однако же, когда речь идет о Золотом веке российской истории, чрезвычайно сложно отобразить его суть в сухой парадигме языка XXI века. Золотой век тем наособицу и ценен, что о Пушкине невозможно говорить, не будучи хоть чуточку «пиитом»; безнадежно читать Карамзина, не являясь «верноподданным», а равно восхищаться подвигами Дениса Давыдова, не имея в своем сердце хоть искры гусарской доблести.

Кстати заметим, что кроме небывалого расцвета литературы и овеянных вечной славой военных побед, Золотой век, объемля в себе все стороны государственного развития, подарил России невиданный досель прогресс промышленности. Так, обычная уральская домна выпускала за сутки кратно больше чугуна, нежели чем английская или шведская; российское сортовое железо выходило на общемировой рынок миллионами пудов в год, и клейма наших заводов считались эталоном качества настолько, что их подделывали самые маститые конкуренты, дабы сбыть свой товар как «уральский». Чтобы не быть голословным, приведу пару фактов: крыши Собора Парижской Богоматери и Английского Парламента крыты уральским листовым железом, и прошедшие два века не нанесли им никакого урона. Кроме того, Статуя Свободы также изготовлена из уральской меди и уральского же железа.

Почти с самого начала XIX века Россия, пусть робко, но вступает в «эпоху пара», а на заводах начинают внедрять новейшие, не виданные еще в Европе, технологии. После того же, как в 1814-м уральский штейгер Лев Брусницын открыл рассыпное золото и началась первая в мире «золотая лихорадка», фантастическое обогащение предприимчивых людей стало вдруг возможным всего лишь за один удачный сезон. Появились «шальные деньги» и, опровергая тезис Веспасиана «деньги не пахнут», на их запах, толкаясь локтями, поспешили ушлые чиновники. Разумеется, свою мзду с просителей они со-

бирали и раньше, но что это были за взятки? Даже перед коллегами и то похвастаться было особо нечем. Одна сплошная регулярная скука и предсказуемость. Теперь же... теперь о своих доходах, если таковые удалось «выгрызть» из прижимистого купечества, приходилось помалкивать, чтобы другие не завидовали. И чем больше был ранг чиновника, тем больше у него было доходов, а следовательно – завистников.

Автор отнюдь не хочет сказать, что всё российское чиновничество было поголовно поражено язвой коррупции, даже напротив, он с огромным уважением относится ко многим государственным деятелям и горным инженерам (осмелюсь напомнить, что фактологическую сторону исследования автор почерпнул преимущественно из уральских источников) того времени, однако... однако их было, мягко говоря, меньшинство. Зато среди них нашелся один, кто, находясь на службе при Кабинете Его Императорского Величества, решился в соответствии с духом просвещенной монархии подойти к проблеме взяток с научной точки зрения.

Неведомо, был ли задействован в коррупционных схемах сам титулярный советник Эраст Петрович Перцов непосредственно, или же идея его исследования была подсказана протежирующим «молодое дарование» А.С.Пушкиным, но в 1830-м году свет увидела книга под шокирующим названием «Искусство брать взятки. Рукопись, найденная в бумагах Тяжалкина, умершаго Титулярнаго Советника». Это сочинение, во избежание недоразумений позиционированное Перцовым «юмористическою шуткою над взяточниками», при ближайшем рассмотрении таковым не является. Напротив, оказывается, что «в каждой шутке» есть изрядная «ложка дегтя». Причем «дегтя» систематизированного, логически выстроенного, а для красоты и привлекательности сдобренного пряными остротами и цветастыми речевыми оборотами.

Перед тем, как подкреплять данное умозрительное сочинение подробностями архивных дел дней минувших, следует вкратце пересказать его суть. Итак, Эраст Петрович языком своего героя уверяет читателя, что «искусство брать взятки есть познание точное...», что оно врожденное, поскольку «человеку дано побуждение снискивать себе пищу и удовольствия; а как взятки питают и радуют, то нет ни малейшего сомнения, что они свойственны природе человеческой». Затем, после ряда софистических дифирамбов типа «...кто взяточник, тот уже и Поэт и Философ», что «храбрейший человек в целом мире есть взяточник» и «высшею гениальною способностию» является талант «брать взятки с самих взяточников», Перцов переходит непосредственно к систематизации объекта своего исследования.

В данном случае было бы грехом искажать текст автора пересказом, а потому рассмотрим его в подлинном, но сокращенном виде: «Взятки взимаются трояким образом: во-первых, натурою; к сему разряду причисляются обеды, подарки на память любви и дружбы, сюрпризы в дни имянин или рождения самого взяточника, его жены и детей; нечаянное забытие вещей на столе..., продажа движимаго имущества и уступка дворовых людей, совершаемыя на законных основаниях, разумеется без платежа денег... Сего рода взимание взяток вероятно введено в употребление первобытными лиходателями, в древнее время»... Несмотря на столь уничижительную оценку, Перцов тем не менее призывает смотреть на таковые взятки «как на все прадедовские обычаи, с сыновним благоговением и почтительностию».

С несколько большим пиететом Эраст Петрович описывает второй род взяток, родившийся «на свет вместе с изобретением денег»: «у нас брать деньгами называется вести дела на чистую». Отмечая особенную любовь чиновников к данному роду взяток, он даже прибегает к метафорическому языку: «каждой из ассигнаций мы придаем особенное название, основанное на отличительных ея признаках: пятирублевую называем синицею, десятирублевую снегирем, двадцати пяти и пятидесятирублевыя белыми голубями, сторублевыя щеголем, щеголенком по ея величине и красивым узорам, а двухсот-рублевыя пеструшкою, по пестроте ея изнанки». Отмечая всё удобство взятки второго рода, Перцов тем не менее отмечает, что она – удел «людей средняго ума и посредственнаго состояния».

Вершиной же искусства брать взятки считаются те из них, что «употребляются особами лучшаго и знатнаго круга: это взаимныя одолжения по должности или по приязни». Они имеют место в тех случаях, «где на решение дел имеют влияние знакомство, родство, кумовство... и тысячи, тьмы тысяч светских отношений. Вообще взятки третьяго рода долженствуют быть названы невещественными», а потому – практически недоказуемыми.

Под финал своей классификации Перцов задается вопросом: «разве нельзя брать взятки с самой казны?», и тут же отвечает: «Можно, Мм. Гг., можно, только осторожно! ...Почему не пользоваться от казны в случае, когда она безмолвствует так же, как просители?» При всем этом, доход, полученный от казны, Перцов взяткой не считает, «ибо чтобы взять, надобно дать, казна же не дает, а мы сами простираем к ней руки; от сего-то и происходят выражения нагревать руки, запустить лапу».

Отдавая должное Эрасту Петровичу в исследовании института взятки первой трети XIX века и психологических моментах ее взимания, пора вспомнить, что «суха теория, мой друг, лишь древо жизни вечно зеленеет», и перейти от теории взятки к ее практике, взяв за отправной пункт тезис того же Перцова: «С чем лучше сравнить, как не с сражением ваше желание взять взятку, и желание просителя не дать взятки! Две могущественныя силы борятся, стараются победить одна другую, не поддают-

ся, употребляют хитрости, делают фальшивые маневры, нападают, отражают, и наконец одна из них уступает велению рока...»

Архивные документы, к нашему сожалению, сохранили не так уж много свидетельств коррупции, да и «всплывали» они, как правило, лишь вследствие внутриведомственной войны, когда одна «партия» чиновников компрометировала другую, выбирая своей мишенью лица, связанные с противоборствующим лагерем. Именно благодаря этой беспощадной чиновничьей борьбе за власть и деньги мы имеем возможность ознакомиться с «закулисьем» бюрократической жизни России великой эпохи «Золотого века». Иначе выражаясь, «взглянуть на монету с другой стороны», и от теоретического «искусства брать взятки» перейти к практическому «искусству давать взятки».

Одним из наиболее «благодарных» на задокуметированные факты является так называемое «Дело о лихвенных взятках... чиновникам Горнаго Ведомства» от 1828-го года[1]. Дело велось под неусыпным контролем Правительствующего Сената, корни его гнездились в Екатеринбурге, яблоком раздора являлось золото Алтая и Енисея, поводом же служила записка на имя императора, в которой сообщалось, что при усмирении беспорядков на золотых приисках Южного Урала владельцами были незаконно казнены зачинщики бунта и неповиновения начальству. Справедливости ради следует признать, что автор этих строк не сомневается в том, что фактический хозяин Каслинского и Кыштымских заводов, Григорий Федотович Зотов, приказал застрелить двух наиболее рьяных зачинщиков бунта («повстанцами» их назвать просто не поворачивается язык, поскольку те не только избивали начальство, но также грабили магазины и старателей, отбирая у них провиант и намытое золото). Да, был такой смертельный грех на душе у Григория Федотовича, и оставаться бы ему личным делом заводчика, если бы тот не ввязался в разведку алтайских золотых месторождений. Его конкуренты оказались на высоте, партия власти, которую «подкармливал» Зотов, сплоховала, и в итоге уголовному делу дали «законный ход».

Наверное, если бы сенаторы знали, чем им самим грозит обыск в екатеринбургском доме Зотова, они бы этого делать не стали, но что сделано – то сделано. Григория Федотовича никто вовремя не предупредил, и Особая Комиссия Военного Суда начала свою работу с выемки документов. Изъяли, к слову, не всё, часть отчего-то «позволили» вынести, зато к оставшейся документации проявили неподдельный интерес и даже сохранили ее для потомков: «...в Екатеринбурге оказалось неимоверное действие подлога. Некоторые чиновники, коим поручено было опечатать все бумаги в домах Купцов Харитонова и Зотова, привыкшие раболебствовать богатым заводчикам и пользоваться дарами их, и считая могущество их не только в Перми, но даже в Петербурге безпредельным, решились дать им все возможныя способы к сокрытию бумаг, могущих служить к неоспоримому их уличению. Зотову дозволено было вынесть из кабинета своего часть бумаг, которыя засим исчезли. Печати, врученные сим чиновникам горным Начальником, были употреблены только при тех местах, где по мнению их не скрывалось никаких уличительных документов; в прочих же прикладывалась другая печать, взятая из предосторожности братом Екатеринбургского Полицмейстера Квартальным надзирателем Шилинцовым». Неведомо, куда именно «исчезли» самые секретные документы Зотова; может статься, они будут еще столетия в запаянных коробах дожидаться своего счастливого исследователя – не суть. Мы с вами воспользуемся тем, что изъято, стараясь, по возможности, сопоставить факты взяток с классификацией Э.П.Перцова, а также выявить в них уральскую специфику.

Начнем с того, в чем именно данная специфика состоит, и каковы ее корни. Главным из этих «корней» является то, что Урал восемнадцатого – девятнадцатого веков был своеобразным «государством в государстве», в котором всё было подчинено сугубо военным Уставам и Артикулам, регулировалось Положениями, а «гражданское» законодательство играло лишь вспомогательную роль. Всё основное, самое главное и ценное – имущественные права на землю, людей, капиталы, недвижимость и прочее, зависело только от местного горного начальства, которое на Урале было и царь, и бог. Да и именовали местного «царя» воистину по-царски: «Главный Начальник Горных Заводов Хребта Уральскаго». Все слова в «титуле» писались не иначе, как с заглавной буквы, и было отчего: ГНГЗХУ подчинялся лишь Министру финансов, Сенату и Императору. Он был один на подведомственной ему территории; он один решал важнейшие вопросы урало-сибирского региона, а те губернаторы, которым было предназначено судьбою служить столь далеко от столицы, даже шагу без его дозволения боялись ступить.

Кроме того, Екатеринбург стоял наособицу среди прочих городов России еще по одной причине: вплоть до середины XIX века главами местного муниципалитета здесь являлись старообрядцы. Разумеется, такое положение вещей крайне раздражало столичные власти: как же так – «раскольники», и во главе одного из самых ключевых городов Империи?! Но – с собственными законами спорить трудно, а по этим самым законам глава города избирался из наиболее зажиточных и знатных его граждан (горные чиновники и немногочисленная знать в расчет не бралась, поскольку они состояли «на службе» и не приписывались к гражданскому ведомству). Учитывая же, что среди

[1] Все приведенные далее по тексту цитаты относятся к различным материалам ГАСО (Государственного архива Свердловской области) и приведены с минимальными пунктуационными изменениями автора.

екатеринбургских купцов первой гильдии старообрядцами являлось 100%, второй – около 80%, а третьей – более 60-ти, легко угадать, кто наряду с ГНГЗХУ, был «в доме хозяин».

Одним из этих «хозяев» был упомянутый выше Григорий Зотов. Но перед тем, как описать, какие он раздавал взятки в качестве «вольноотпущенного» участника «большой игры», следует рассказать о его полномочиях в статусе крепостного крестьянина заводчика А.И.Яковлева, когда Зотов был Главноуправляющим Верхисетскими заводами, в состав которых, кроме самого ВИЗа, входили Режевской, Верхнетагильский, Верхнейвинский, Шуралинский, Шайтанский и другие, включая пристани на Чусовой и многочисленные деревни приписных и заводских крестьян. Как это ни парадоксально звучит, но крепостной (к тому же – старообрядец) от имени своего хозяина Яковлева твердой рукой правил десятками тысяч таких же крепостных людей.

К людям благородного звания и власть имущим, опять-таки с санкции своего господина, Главноуправляющий применял «метод пряника». Или, по классификации Перцова, – взятки первого и второго рода. Для начала рассмотрим несколько простых примеров, выбранных наугад из череды прочих: «Накладная отправленной рыбы и икры следующей к Г. Зотову...: белуги 13 белуг вес 26 пуд 35 фунтов; 18 осетров 20 пуд 7 фунтов. Боченков икры весом с деревом 4 пуда 27 фунтов. 10 сазанов 5 пуд 3 фунта». Не будем утруждать себя перечислением количества пудов мяса говядины, свинины, баранины; количеством поросят, почек, языков и прочей снеди, скажем лишь, что всё это великолепие проходило по статье «для угощения приезжающих из Екатеринбурга Господ присудствующих и протчих разнаго звания людей». Разумеется, стол гостеприимного хозяина не будет полон, ежели его регулярно не пополнять следующими пунктами: «...вотки французской[1] 3 ведра по 16 рублей ведро – 48 руб., ...рому ¼ ведра 9 руб., вотки пуншевой 7 ½ ведра 112–65 руб., столовой сладкой 1 ½ ведра 19–90 руб., вотки простой ¼ ведра 2–20, вина немецкаго 24 бутылки 120 руб., цымлянскаго красного и белого 62 бутылки 90 руб., мадера 4 ведра 80 руб...» Итого «на увеселение души» израсходовано 640 рублей 66 ½ коп., не считая сахара, чая и систематически обновляющихся наборов столовой посуды. Всего же на чревоугодие чиновников, только по официальным данным, верхисетская контора Яковлева ежегодно тратила до 10000 рублей ассигнациями. И это было в то время, когда опытный мастеровой получал 30–40 рублей в год; его дом вместе с землей стоил около двухсот; коровка – 20, а рабочий мерин – 30 рублей.

Несомненно, такого рода угощения относятся к 1-му виду взяток. К нему же относятся и «прозьбы» столичных и губернских чиновников, прибывших на Урал с ревизиями (в том числе и неофициальными, в стиле «инкогнито из Петербурга» Гоголя), «отправить с ближайшим железным караваном[2]» «оставленныя ими на хранения покупки», за которые они, естественно, не заплатили ни копейки. Чего только в этих «оставленных вещах» не было! И диковинные минералы, и шкуры животных, и конская сбруя арабских мастеров, и даже... «живописныя полотна в рамах и без оных». Учитывая тот факт, что в то время на Урале художников было, мягко говоря, не густо, а также то, что уральские заводчики очень любили итальянскую живопись, нетрудно предположить, что это были за полотна.

Все эти «благодеяния» совершались Зотовым по указке хозяина, хотя и без его прямого участия. Другое дело – векселя и ценные бумаги, право выписывать и право гасить которые имели как Зотов, так и Яковлев, с чем они оба с успехом и пользовались. Здесь мы переходим к взяткам второго рода, но с небольшим нюансом: во избежание опасности быть уличенными в «двойной бухгалтерии» и подлоге финансовой отчетности заводов в коррупционных схемах применялось вексельное обращение. В данном конкретном случае – между главноуправляющим заводами и их владельцем. К примеру, Григорий Зотов по мере необходимости выписывал векселя на значительные суммы денег (на эти цели у него был специальный фонд под наименованием «На разные неизбежные надобности») некоему столичному чиновнику, приехавшему на Урал с ревизией или для размещения военных заказов, и тот по возвращении в Санкт-Петербург (или Москву) эти векселя без лишних разговоров «обналичивал» в конторах владельца заводов, или же у Яковлева лично. Происходил и обратный процесс с выдачей наличных в Екатеринбурге, его следы также можно найти среди архивных записок, которые, – что особенно важно! – не отражены во внутризаводских бухгалтерских балансах. «Встречные» же проверки между владельцем и его заводами в то время проводить было не принято. Таким образом, «чисты» оставались все, а особенно – чиновники.

Насчет же третьего, «невещественного» рода взяток архивные источники ответа не дают, что, впрочем, лишь подтверждает правоту Эраста Петровича Перцова в том, что они недоказуемы. О них с известной натяжкой, как по косвенным уликам, можно судить лишь по продвижению чиновников по карьерной лестнице, их ротации с одного места службы на другое, а также по успехам или же неудаче лиц, заинтересованных в том или ином «прожекте». Но, как бы не старались исследователи, большая часть их работы пойдет прахом, а если им и удастся нащупать какую-либо логическую цепочку, то она всё равно останется

[1] Коньяк.

[2] В восемнадцатом-девятнадцатом веках исключительным способом доставки в центр России продукции уральских заводов являлся сплав коломенок (барж) по Чусовой на Каму, затем – Волгу и т.д. Коломенки «ходили» караванами раз в год, во время весеннего половодья.

умозрительной.

Потому из «высоких эмпирей» лучше вернуться «на грешную землю» и проследить на документальном уровне, как изменилась структура взятки Григория Федотовича Зотова, когда он из подневольного крепостного приказчика милостью своего господина гвардии корнета Алексея Ивановича Яковлева стал «вольноотпущенным». А по своей же воле и умению – еще и полновластным заводчиком, фактическим (но не юридическим) хозяином четырех заводов и нескольких деревень. Это знаменательное событие произошло в 1825-м году, сразу после визита императора Александра Павловича в Екатеринбург. Зотову на тот момент было около пятидесяти лет, и по его знаниям технической и финансовой стороны производства, по его опыту общения с власть имущими, по его организаторским способностям и, наконец, практически непререкаемому авторитету на горнозаводском Урале ему просто не было равных. Разумеется, по знатности он не мог идти ни в какое сравнение с такими династиями, как Строгановы, Демидовы, Яковлевы или Турчаниновы – те были «люди благородные», которые на своих заводах-то порой ни разу в жизни не были; Григорий Зотов являлся человеком «подлого звания», из народа, тем более – старообрядец, а это уже было как клеймо на всю оставшуюся жизнь. Даже император Александр Первый, пришедший в восхищение от полуторачасовой беседы с Зотовым, писал императрице о нем именно с учетом этого «клейма»: «Первый раз в жизни встретил мужика с таким светлым умом и опытностью во всех отраслях горного искусства».

Но довольно говорить о Зотове как выдающейся личности, пора ближе познакомиться с его конкретными поступками, а именно – на поприще коррупции. Взятки, по собственной бухгалтерской классификации Григория Федотовича, подразделялись на три основные категории: на церковные праздники и именины чиновников; «по делам»; адресные, предназначенные для достижения конкретной цели.

Первая категория, по регулярности праздников и количеству именинников, в документах встречается наиболее часто. Подарки к церковным праздникам делались всем «нужным людям» вне зависимости от их положения в обществе, с тем только отличием, что влиятельные чиновники записывались пофамильно, а простые служащие «чохом», по должности. К примеру: «…к празднику Пасхи Советнику Чистякову сахару на 104 руб. 7 коп., Секретарям Горного правления Русских деньгами 100 руб., Попову сахару на 50 руб. 93 коп. Протоколисту Горного правления по 1. Департаменту[1] сахару и чаю на 28,90 руб., протоколисту ж 2. Департамента деньгами 25 руб. Таковому ж Губернскаго правления 15 руб. Регистраторам Горного правления 1. Департамента 25 руб., 2. Департамента сахару на 15 руб. 60 коп. Губернскаго правления на 10 руб. Столоначальникам Горного правления Третьякову сахару и чаю на 35 руб., Завьялову деньгами 50 руб., Карпову 25 руб. Двум Губернского правления на 10 руб. 20 рублей приказным Вахмистрам Сторожам и людям Г. Присудствующих 23 руб.» «…На Еминины Секретарям Берг Инспектора Максимову сахару и вин на 132 руб., Горного правления Русскому тоже сахаром и чаем на 118 руб., Протоколисту Горного правления 2. Департамента Изможерову деньгами 50 руб. Советнику Любарскому сахару и чаю на 178 руб. Доктору Федору Христофоровичу в день рождения служено сахаром и модерою на 153 руб. В Записке к щету за Февраль Секретарю Горного правления по 2. Департаменту Кузнецову на именины сахару и вин на 124 руб.».

Как видно из приведенного фрагмента, два теоретических «рода взяток» Перцова, «вещественных» и «деньгами», на практике сугубого разделения не имели, поскольку давались они, как сейчас принято говорить, «по умолчанию». То есть – высказано кем-то имярек особое пожелание – ему дадут желаемое; промолчал – выдадут ассигнациями.

Вторая «Зотовская» категория взяток, «по делам», являлась также регулярной, но не столь частой, как церковные праздники или же именины. По сути, это была «зарплата» чиновникам невысокого ранга, служащих двум господам, и выплачивалась она раз в год: «По 1-му Департаменту служено по делам Столоначальникам Завьялову 50 руб., Карпову 50 руб.» …Продолжать перечисление фамилий не имеет смысла, скажем лишь, что их было много.

Третья, прикладная «Зотовская» категория представляет наибольший интерес для исследователя, поскольку касается конкретных дел, реальных лиц (порой, увы, скрытых за аббревиатурами) и совершенно ирреальных сумм, означающих величину взятки. Начнем, пожалуй, с самой малости: «За списание копии с Замечания на Положение Горного Правления о содержании заводских людей секретарю Береговскому 40 рублей…» Эта «малость» очень характерна: во все времена для заводчиков было очень важно своевременно ознакомиться с внутриведомственными актами, которые столь любят «штамповать» чиновники. Можно смело сказать, что каждый промышленник был вынужден тратить по нескольку сотен рублей в год для незаконного получения копий с секретных подзаконных актов, дабы избежать нежданных напастей.

Наряду с подобными рутинными издержками российских предпринимателей у заводчиков Урала и Сибири была еще одна отличительная статья расходов: «туземное» население. Дело в том, что за «Камнем» крепостного права, в его общепринятом в центральной России смысле, не было. Как почти не было и частнопомещичьего права на землю: практически вся земля принадлежала казне, т.е.

[1] 1-й Департамент Горного правления заведовал казенными заводами, землями, рудниками и крепостными. 2-й Департамент – партикулярными и частными.

государю; и лишь «остальная» – заводчикам, или же «туземным» народам. В этом смысле следует отметить, что пресловутое «завоевание Сибири Ермаком» – понятие весьма относительное, поскольку казне отходили лишь те земли, на которые не заявили претензий местные властители. Присягая на верность Российскому императору, они всего лишь признавали за собой обязанность платить налоги, но данная клятва ни в коей мере не отражалась на их незыблемом праве распоряжаться своей землей.

Более того: для защиты интересов коренного населения были разработаны специальные законы, согласно которым даже частичное отчуждение права собственности на земли в пользу другого лица должно было письменно одобряться от мужского населения «кантонов». Кантонами в то время именовались (в числе прочего) обособленные, по большинству – национальные – поселения, которыми заведовали кантонные начальники. По сути, это были те же самые баи и ханы, что и в прежние века, но теперь они подчинялись не эмиру или же султану, а Российской короне. Разумеется, путем непосредственных контактов с представителями этой самой короны, а также с теми из промышленников, которые выразили заинтересованность в арендном пользовании отведенных кантонам земель.

Подобная «заинтересованность» заводчикам никогда не обходилась дешево, поскольку приходилось «подмазывать» не только собственников земель, но и чиновников, присматривающих за вверенными им территориями. Однако это – полбеды: как только губернское и столичное начальство начинало чувствовать «запах жареного», в ход шел административный ресурс. Решение дел под малейшим предлогом затягивалось, начинались бесконечные реляции с требованиями выписок, рапортов и справок. Да, как правило, заводчик в конце концов получал желаемое, но скольких это стоило затрат! Которые, к слову, не всегда оправдывались.

Для примера рассмотрим дело о проекте того же Г.Ф.Зотова по разработке богатейших золотоносных месторождений Южного Урала, которые сулили их владельцу даже не сотни тысяч – миллионы рублей дохода. На пути Зотова к заключению арендного контракта, а следовательно – к очередной ступени процветания были лишь местные чиновники, непредвиденное сопротивление высшего начальства и «сомневающееся» коренное население.

С местными чиновниками все вопросы были улажены быстро: «По делу Арендного содержания земель Баратабынской и Каратабынской волостей... показано в расходе Шадринскому земскому заседателю служено 115 рублей, секретарю приказным и солдатам 45 рублей»... Дворянский Заседатель Кожин, по всей видимости, был настолько рад полученным деньгам, что имел неосторожность написать своему «благодетелю» Зотову следующее: «Известное Вам ваше дело с помощью ваших денег при старании Григория Ивановича Блиновскаго кончили кажется с самой хорошей стороны о чем я думаю слышали Вы от Григория Ивановича человек 15 хотя остается еще не согласных[1], но мы их показали находящимися в отлучке. Я думаю Челябинский Уездный Суд спрашивать не велит их, о чем прикажите Судей попросить. Ежели эти недовольные не войдут с просьбою, то недолжно и сомневаться, только бы засвидетельствовали Контракт, хлопотать о Вашем деле считаю себе за первую обязанность, равномерно и в будущее время прошу вас налагать на меня подобные сему ваши Комиссии, помня ваши милости никогда не сочту себе за тягость служить Вам со всем моим Усердием». Признаться, даже не верится, что эти строки писал дворянин.

С кантонными начальниками поначалу тоже всё шло гладко: подарили каждому по расшитому шелковому халату, по паре яловых сапог, напоили дорогими французскими винами, а на обратную дорогу снабдили изрядными пачками ассигнаций. Дальше – больше: башкирские старшины быстро сообразили, что с русского «раскольника» деньги можно тянуть по каждому поводу, и расходы на них начали расти в геометрической прогрессии. Всего до конца южноуральского проекта Зотовым только на кантонных начальников было потрачено 19938 руб. 22 коп. Обще же с прочими расходами и подкупом чиновников, согласно выводам следствия, у него ушло примерно 100000 рублей.

Были у Зотова и затраты, связанные с обязательными государственными повинностями: «...По делу от натуральной поставки Рекрут[2] по Нязепетровскому заводу Советникам Гаврилову 50 руб., Бергу 150 руб., секретарю Сорокину 100 руб... По делу о взыскании за постройку Питейных домов 1000 руб.». Рука об руку с Зотовым идет и его зять Харитонов: «...По повелению Петра Яковлевича доставлено Василию Даниловичу 1000 руб., Секретарю казенной палаты Парначеву по заемному письму уплачено 300 руб.,... по заемному письму Г.Родионову 3500 руб...»

Но самая продолжительная тяжба, следовательно – самые большие финансовые потери, ждали Григория Федотовича впереди: полным ходом шло расследование о его «нечеловеческих жестокостях» на Сойкмановских золотых рудниках[3]. Оставим в стороне подоплеку бунта на заводах и методы его подавления, а так-

[1] Имеются в виду коренные жители, не желающие отдавать землю в аренду.

[2] Высочайший указ о замене натуральной поставке рекрутов в армию и замене данной обязанности на денежную оплату по уральским заводам касался лишь мастеровых людей, работающих непосредственно на заводах. Крепостные же крестьяне, закрепленные за заводами и добывавшие для них руду, лес, уголь и проч., подлежали призыву. Чтобы сохранить их для заводского хозяйства, промышленники были вынуждены откупаться.

[3] Данная тяжба закончилась для Григория Федотовича плачевно: в 1838-м году его лишили всех наград, честного имени и имущества, сослав навечно в бывшую финскую крепость Кёкскольм (ныне – Приозерск), где он якобы скончался в 1839-м.

же не будем заострять внимание на работе следствия, и предоставим слово самому Зотову, цитируя фрагменты самых характерных его писем своим поверенным в губернской Перми и столичном Петербурге: «...Мы по некоторым видам решились прямо, с приложением Списка, донести Министру о благосостоянии при заводах о благоустройстве людей и самом производстве железной и золотой части. Посмотрим что теперь а.т[1]. и прочие напишут в распоряжении Исправнику и в донесении Ми: тебе же предписываем наблюдать сообразно с нашим отзывом.... Читавши ремарку твою о возвратившихся на Каму Комиссионерах переговоры твои и переобъяснении с ними и другими должен тебе сказать чтоб ты вновь прочитал записку; в ней не писано того, чтобы они давали Слово Сделать представления... но ввести все те обстоятельства Кои с нашей стороны считаются нужными и прислать сюда посмотреть...»

Далее по тексту заводчик инструктирует своего поверенного из губернской Перми, словно бы настоящий полководец в духе Эраста Перцова: «...Какая была дана нам от Костырки[2] бумага, что мы на нее ответствовали и Исправнику написали, с оных прилагаем списки... а теперь как угодно пускай толкуют; К: человек не мастак... зависит от Пе. И. Естли не писать защитных терминов для заводов от злоречия бунтовщиков, то конечно лучше чтоб представили просто, пускай отсылают в Уездный суд; но что же так! Претензии не имеют ни рублей ни копеек... Комитет определил сделать положение, но представить на утверждение Министру, Министр Ему, а Комитет Государю. Чего же такое место не взяло на себя. (? – здесь подразумевался знак вопроса, означающий, что поскольку даже за взятки ни одно из «мест» не желает брать на себя ответственность, то и платить пока незачем – авт.) Мог ли какой нибудь Берг Инсп. Объявить чудотворную волю Его. И думал ли о последствиях из того хотя бы утвержденной Мини... Мы не только не пугаемся но и не думаем, готовы иметь комиссию, Которая бы сказала о всем что должно по делу необинуясь, даже Деп. и Ми. Чем ближе злотворение Сие Как Говорится Камень в воду и пузыри вверх, тем лучше, а для сего надобно сохранить Умеренность и осторожность».

Словно опытный шахматист, Зотов раскрывает перед поверенным Наседкиным подоплеку разыгрываемой партии, учитывая все возможные шаги противников, указывает на слабость или же трусость сторонников, настоятельно требуя от поверенного оперативной информации: «...Не было с минувшей почтой... предписание от Департамента на представление Горного правления о введении Тетюева, в наблюдание твое по Сему обстоятельству... С чем же его высокомочие с Камы укатился и где каким языком блекотил, мы ожидаем обстоятельнаго твоего донесения.... Мы не прочь от подмаски, но желаем чтобы Это было по делу а не как попали и для того объяснись Го. и скажи по последним обстоятельствам должной манирой, чтоб дать делу решительное погребение, чем иметь его в нерешении... лучше то Ежели его в ходу не будет, что всего нужнее Собственно для А. Т. и Ва. Петр. в случае завески. Они более должны думать о начальных разнообразных донесениях Своих, неоспоримыми мерами поколебавших людей с Нашей Стороны. Виноватой безопасен в его Гробе. К нам же привить наследственнаго яду нельзя».

Зотов решительно не желал тратить денег впустую, опираясь лишь на голословные заверения чиновников, он требовал от них дела, невзирая на чины и ордена. Для него как для человека дела было совершенно безразлично – сенаторам ли платить, или же министрам, когда местные горные и губернские власти оказались слишком робкими, чтобы решить столь обыденный, и даже – «безобидный» для «знатных» заводовладельцев вопрос, как пусть незаконная, зато заслуженная и тайная, казнь двух человек[3]. Да, он понимал, что законы писаны не для него, «раскольника», но он решительно отказывался понять, отчего право жить «как все» никак не получается даже за большие деньги. И поэтому Григория Федотовича крайне раздражали невнятные рапорты типа: «Андрей Терентьевич сказал на сие как де хочет Военный Губернатор так и смотри за ними; а нам де до них дела нет; просил было Любарского формальное мнение Которой сначала и согласился было но после раздумал отзываясь на то что Андрей Терентьевич будет на его за сие неудовольствие, и что Ему после Сего не так ловко будет вступаться по делам важным, а коли будет к Вам Благоволение Министр может де и без того Сообразно Записки сделать разсуждение и представить Сенату».

Однако даже подобные записки от поверенных Зотов не желал воспринимать как однозначный приговор судьбы и потому настоятельно требовал от них конкретных действий, скрытно намекая через них, что в противном случае кое-кто может лишиться «лакомого куска»: «...Поручаем тебе с Ва. Пе. Объясниться с тем чтоб Он и А.Т. дал почувствовать и Сам ты приличнейшим образом доложи, что Наследницы[4] с Душевною Благодарностию исполнят Годовую Свою обязанность, и всегда почтятся сохранить Свое Уваже-

[1] А.Т. – А.Т.Булгаков, Берг-Инспектор Горного правления. Ми. – министр финансов. Деп. – Департамент горных и соляных дел.

[2] Костырка Д.В. – полковник, присланный из Перми для подавления бунтов.

[3] Приказ об убийстве двух зачинщиков бунта Зотов отдал далеко не сразу: более двух лет он требовал от начальства расследования по делу о беспорядках. В это время бунтовщики продолжали безнаказанно воровать и грабить. Затем полковник Костырка их арестовал, но с началом работы Комиссии под руководством графа Строганова они были привлечены как свидетели и вскоре превратились из обвиняемых в обвинителей и даже соглядатаев следствия. Не забывая, впрочем, своих прежних разбойных привычек.

[4] Наследницы – юридически заводы были оформлены на дочерей умершего екатеринбургского купца Л.И.Расторгуева Марию Львовну, вышедшую замуж за П.Я.Харитонова, и Екатерину Львовну, бывшую замужем за сыном Григория Зотова Александром.

ние, исключая только одну необходимость по очищению минувших неприятностей...» Переводя данную фразу на современный язык, Зотов заявлял чиновникам, что регулярную «дань» с заводов он платить согласен, но на урегулирование судебной тяжбы без реальных результатов более не даст ни копейки.

Оснований для столь категоричного объяснения было немного, но Григорий Федотович упрямо верил в свою «звезду», обращаясь через влиятельных посредников к еще более влиятельным особам, но – увы! – не понимая вполне, правду ему доносят, или ложь: «...Из некоторых искренних Отголосков услышали мы, что неприятности им готовимые якобы призатихли от того что А.Т. сыскался через кого то в Силе Андреича Арак.[1], узнай о сем доскональнее и обстоятельнее через кого имянно он сию тропинку проложил или Сказки для придания весу напиши нам обстоятельно; поговори о сем с Ва. Да. и Графиня ли Строганова или кто другой поддержал Его в сей для многих неприступной особе...» Последовавший за этим письмом отчет был вновь не слишком обнадеживающий, зато в нем указывались суммы расходов: «...Павлу Ивановичу Бело... 10000, Андрею Никитичу Андр... 2000. Шампанского два ящика вам известных 1200... представление Министр Финансов[2] подписал, и в Сенат поступило точно так я доносил с минувшею почтою. Надежда одна на Василия Сергеевича Ланского[3], Сенатора, который дело сие всегда защищал. Зделают из сего дела лучшую записку и тогда будут докладывать». Последний пункт расходов, учитывая среднюю стоимость бутылки игристого напитка из Франции, заставляет в недоумении пожать плечами: или «ящики» были размером с сарай, или же под пояснением «вам известные» скрывается совсем не шампанское.

Кроме сугубо практических, промышленных интересов, в российской столице Григорий Зотов решал также и вопросы духовные, касающиеся прав на свободное вероисповедание старообрядцев. И если в 1824-м году он сумел добиться от Александра Первого дозволения на водружение креста над куполом новопостроенной Никольской старообрядческой церкви в Екатеринбурге, то Николай Первый, напуганный декабрьским восстанием и принявшийся рьяно бороться со всякого рода инакомыслием, данное разрешение отменил. Более того, он не только повелел снять кресты с «раскольничьих» церквей, но также запретил колокольный звон на них и приказал снести иконостасы. Сейчас можно только гадать, какой шедевр мы утратили по этому указу, скажем лишь, что иконостас для Никольской церкви был изготовлен из литого чугуна. Зная же общепризнанное мастерство Каслинского художественного литья (напомним, что Каслинский завод управлялся Г.Ф.Зотовым), а также учитывая, что 100% мастеров-литейщиков на заводе были родом из Германии, сегодня остается только фантазировать, что это за чугунный симбиоз в итоге получился – лютеранского со старообрядческим.

Однако церкви – это не только стены, и даже не только паства, это, в первую очередь, пастыри. «Каков поп, таков и приход». Именно их-то старообрядцам крайне не хватало: поскольку каждого священника по церковным правилам должен рукополагать епископ, то после того, как последний из иерархов, придерживавшийся древнего обряда, умер в XVII веке, попов старообрядцам стало брать попросту неоткуда. В итоге одни из них стали «безпоповцами», выбирая на должность священника старшин из своей общины, другие же, и среди них екатеринбургские – «беглопоповцами». Последние поступали просто: переманивали к себе уже рукоположенных священников, уговаривали их отречься от «никоновской ереси» и переучивали на старый лад. Центрами такого «духовного перевоспитания» являлись монастыри Иргиза и Вольска. После своего воцарения император Николай Павлович, недолго думая, повелел их в кратчайшие сроки закрыть, и оттого у Зотова появилась новая забота: хоть как-то, хоть отчасти, но сохранить очаги теологического просвещения старого толка.

Эти вопросы уже не зависели ни от горного начальства, ни от губернаторов – они решались только в столице, причем – лицами крайне влиятельными и близкими к трону. Как пример, рассмотрим письмо Зотову поверенного Блиновскаго, присланное из Санкт-Петербурга: «...По Духовному делу из Синода получил я копию с начального определения только относительно бывших в Вольске священников, которые после того были у Тверских, с Сего самого определения и дело возникло по городу Вольску, с котораго в будущую почту доставлю Копию; а между тем не успею ли я что еще достать, ибо Так строго наблюдают, что боятся давать ни за что, но кое каким образом буду домогаться. У Министров Духовнаго и Финансов ничего не делают, только несколько к Защите Граф Кочубей, которому я бы подал прошение Екатеринбургских Граждан, но только совет Алексея Ивановича Яковлева[4] удерживает. Поелику с оных бумаг Спросили бы и Министра финансов, а от Мечникова[5] не дождатся действия... берутся перенести в Государственный Совет за 25 т. наперед, насколько я без вашей воли не осмелился...»

Эти строки свидетельствуют уже не просто о симптомах – о самом диагнозе власти. Ведь, выражаясь метафорически и приводя расценки к натуральному выражению, Блиновский писал своему нанимателю: «доктор N

[1] Алексей Андреевич Аракчеев – управляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярии, де-факто – второе лицо в Российской Империи.

[2] Е.Ф.Канкрин.

[3] Управляющий министерством внутренних дел.

[4] А.И.Яковлев – бывший господин Г.Ф.Зотова, давший ему вольную. В основном, проживал в столице и на взаимовыгодных условиях сотрудничал со своим бывшим крепостным.

[5] Директор Департамента горных и соляных дел, заместитель министра финансов.

вас лечить отказывается, врачи из М-ской больницы опасаются; можно с доктором К за предоплату в 1000 коров договориться о созыве врачебного консилиума, но я их выдавать без вашей воли не осмелился». Причем Блиновский даже не упоминает, сколько тысяч «коров» потребуется при состоявшемся созыве «консилиума», тем более – для благополучного исхода его работы.

Но да оставим эти ужасающие своей непредставимостью масштабы, лучше перейдем к «прозе жизни», поскольку человеческими жизнями чиновники тоже торговали. Не своими, разумеется, а «государевыми». Одним из самых ярких примеров, вследствие его печального исхода, является дело о «безвозмездной» передаче на зимний период почти тысячи государственных мастеровых с Берёзовских золотых промыслов на прииски обрусевшего, оставшегося жить на Урале англичанина Осипа (Джозефа) Меджера. Он приехал в Россию еще на заре XIX века, работал механиком сперва в Петербурге, а затем по контракту был переведен на уральские заводы, где строил паровые машины своей собственной конструкции. К слову сказать, машины у него получились очень удачные, и среди инженеров того времени «система Меджера» пользовалась заслуженным авторитетом.

По окончании срока контракта он приглядел себе землю в Малом Истоке близ Екатеринбурга, разбил там заимку и принялся за промышленную добычу золота. Разумеется, с помощью паровых машин и передовых технологий промывания золота. Единственное, чего ему не хватало, так это рабочих рук. Да, своим рабочим он платил в два-три раза больше, чем на государевых заводах; да, он бесплатно предоставлял для них жилье; он привлекал людей откуда только можно, но – даже относительно свободные государственные мастеровые находились «в крепости», и дети их тоже были хоть и «коронными», но крепостными. О заводских, тем паче – помещичьих крестьянах не могло идти даже речи: рабочие руки нужны всем и во всякое время.

Как оказалось, «всем, но не каждому»: Главный начальник (ГНГЗХУ) Осипов осенью 1830-го года вдруг посчитал, что на зимний период можно временно уволить почти тысячу рабочих с Берёзовских золотых приисков и отправить их «для пропитания» на заимку Меджера. Разумеется, совершенно безвозмездно, но лишь для пользы государевой, поскольку каждый 10-й золотник добытого драгоценного металла уплачивался в качестве налога в казну[1]. Неизвестно, кто был инициатором этой дурно пахнущей сделки – Осипов, или Меджер; известно лишь, что, когда через несколько месяцев в горном ведомстве началась ротация власти, Осипова перевели командовать в другой регион. На его место поставили Вансовича, и вскоре Меджер был убит. Заодно у англичанина похитили более двух пудов намытого Березовскими мастерами золота, но это совершенно другая история[2], лишь подчеркивающая, впрочем, тезис Эраста Перцова, что искусство брать взятки сродни искусству войны.

Не меньшим грехом, нежели чем взяточничество, среди чиновников того времени было ее неприятие. Пожалуй, самым печальным примером может служить история знаменитого «Изумруда Коковина», якобы хранящегося сейчас в Минералогическом музее Академии наук. Но обо всем по порядку: Яков Коковин, будучи сыном заводского мастерового, благодаря своим талантам и редкому везению, был замечен горным начальством, затем показан столичным чиновникам и, в конце концов, принят на курсы медальерного и камнерезного искусства. В 1807-м году золотой медалист и «свежеиспеченный» дворянин, выпускник Академии художеств возвращается из столицы в Екатеринбург, где назначается шихтмейстером, заведующим огранкой ювелирного камня, а также изготовлением малахитовых ваз и прочими заказами Личного Кабинета Его Величества. Некоторые корыстные личности уже тогда пробовали «найти к нему подход», но безуспешною.

В 1827-м он был назначен директором Екатеринбургской гранильной фабрики, и попытки подкупить его стали всё настойчивее. Обергиттенфервальтер Коковин, будучи честным человеком, изо всех сил сопротивлялся домогательствам, но после того, как на Урале нашли богатейшие месторождения изумрудов, бороться стало бесполезно. И – даже губительно, поскольку его захотели «купить» уже не какие-то там промышленники или даже губернаторы – на находившиеся в распоряжении Коковина уральские богатства «положил глаз» сам Л.А.Перовский, сенатор, ведавший Департаментом уделов и личный друг императора.

Вот что можно прочитать по этому поводу в послании из Петербурга[3]: «...Я прошу вас вступить со мной по предмету закупки каменья в коммерческую в частном виде спекуляцию... прошу вас за поручение сие назначить в пользу свою известные в коммерции проценты за комиссию и быть совершенно уверенным, что труды ваши по сей операции не останутся без особого внимания начальства...» На это письмо Коковин ответил с гордой обреченностью: «...Я не могу сказать, что был беден, но и не богат... за богом молитва, за царем служба не теряется, и пока служу, никаких сторонних выгод желать и искать не могу, да и сама заботливость службы того не позволяет. А чтобы быть полезным вверенной управлению вашему Петергофской шлифовальной фабрике, с совершенным удовольствием готов служить вам для выгоды казны без всяких коммерческих видов...»

[1] Налог на добычу полезных ископаемых тогда был фиксированным – 10%.

[2] Подоплека, ход следствия и последовавшие за ним события описаны автором в романе «Секретное дело».

[3] Цит. по: В.М.Бахмутов, «Изумруд Коковина». Изд-во «Кларетианум», Красноярск, 2004.

Это был, в прямом смысле слова, смертный приговор. Или же – предсмертная записка. Отвергнуть возмездную службу влиятельнейшему из сановников было самоубийственно опасно, и Коковин поплатился за свою честность не только званиями, орденами и дворянством, но даже самой своей жизнью. Где-то по пути из Екатеринбурга в Петербург, а вернее всего – в самой столице, из опечатанного при свидетелях ящика пропал великолепнейший, без единой трещинки изумруд насыщенного зеленого цвета весом один фунт. Казалось бы, и искать его надо в столице, и расследование там проводить, но... В краже изумруда обвинили именно Коковина и посадили его в тюрьму, в камеру для секретных арестантов. На три долгих года. Не выдвигая никаких фактических обвинений, только лишь по указанию «сверху». Низведенный в своем социальном статусе до крепостного и обобранный до нитки, на долгожданной свободе Яков Васильевич прожил недолго и умер на 56-м году жизни.

Все три приведенных выше исторических примера говорят об одном и том же «золотом правиле» «золотого века»: даешь взятки – смерть; не даешь – смерть; не берешь – тоже смерть. Кстати, «герой» Эраста Перцова, титулярный советник Тяжалкин, столь рьяно ратовавший за искусство брать взятки, тоже упомянут как «умерший».

Но умер ли он? Умерла ли взятка вместе с ним? Разумеется, нет. Она была всегда, была «до» и «после», разве что в веках она называлась по-разному. Соответственно, и относились к ней различно: от полной легализации («кормление»), до категорического запрета под страхом смертной казни («воровство»). Причем – казни лютой, прилюдной, чтобы «иным в устрашение». К примеру, в 1570-м году Иван Грозный, узнав, что одному дьяку[1] поднесли гуся, набитого серебряной монетой (обычного гуся дарить дозволялось), повелел из «воровского» дьяка «сделать гуся», обращаясь с эшафота к народу: «Вот, добрые люди, те, которые готовы съесть вас как хлеб». Затем, как это положено при разделке птицы, незадачливому чиновнику на площади отрубили руки-ноги и нафаршировали. Но – не помогло: да, остальные «воры» испугались. Сильно испугались, но воровать не перестали.

После ухода с политической сцены династии Рюриковичей к власти приходят амбициозные Романовы, и начинается настоящая кутерьма. Особенно – после воцарения Петра Первого. Императору было почти безразлично, что его чиновники воруют, лишь бы они дело делали. Эта привычка закрывать глаза на «шалости» подданных долго еще преследовала наследников Петра, и лишь его дочь Елизавета Петровна наконец-то законодательно поставила взятку вне закона. Но оказалось слишком поздно: чиновничество уже привыкло наживаться буквально на всем; трудиться же во благо короны – наоборот, стремилось всё меньше и меньше.

Только в XIX веке, с появлением во власти людей «посторонних», выходцев из народа, ситуация начала несколько смещаться к лучшему. Однако же, как мы видим из примеров Якова Коковина и Осипа Меджера, кардинально ничего не поменялось, и никакие царские указы, никакие высочайшие подтверждения запретов взяточничества не могли побороть этого зла.

Как это ни странно, но изменение к лучшему в умах власть имущих произошло «само собой»: вскоре после отмены крепостного права, когда в ряды чиновников пришли вчерашние народники и им сочувствующие, красть оказалось нехорошо, дурно. Безнравственно. Дескать, собственные же дети, начитавшиеся добрых книжек, и те не поймут. Можно сказать, что, как результат появившейся брезгливости к грязным деньгам, в конце XIX века институт взятки, словно отживший свой срок сорняк, начал отмирать, а понятие чести стало совершенно несовместимо со взяточничеством. Некогда непоколебимый фундамент мздоимства треснул и свершилась «нравственная бюрократическая революция».

Увы, ненадолго: в начале XX века началась «вторая великая смута», честь была признана рудиментом царского режима, затем наступил НЭП со всеми его гротескными излишествами, а потом... Дальнейшее «потом» можно описать в двух фразах: «всё у нас колхозное, всё у нас мое» и «от государства не убудет». Цитируя Э.Перцова, воровать стало вновь «можно, только осторожно».

Не истребили советское мздоимство ни суровое правление Сталина, ни упрямый нрав Хрущёва, ни ОБХСС[2] Брежнева – всё было напрасно. Россия, лишенная духовных корней, вновь «понеслась под горочку», сохраняя лишь видимость управляемости. Потом улетучилась и она, подросло новое поколение чиновников, полных скепсиса и цинизма, и ныне мы «имеем то, что имеем». Имеем то же самое, что и было в XIX веке, и будем иметь и дальше, если история не вернется на круги своя, и мы сами по примеру своих предков не совершим вторую «нравственную революцию».

Именно от нас самих зависит, как будут жить наши дети и внуки. Вырастим из них торгашей и «перекати-поле» – пиши – «пропало». И дети наши пропали, и внуки. Сумеем же воспитать из них людей чести – нам самим будет честь и хвала.

России же – спасение.

[1] Дьяк – чиновник министерства («приказа»), заместитель думного дьяка (министра).

[2] ОБХСС – Организация по борьбе с хищениями социалистической собственности.

ОДИН ВЕК И МИР УВЛЕЧЕНИЙ

100 лет Клубу коллекционеров Екатеринбурга

Александр КАЗАНЦЕВ

Александр МАКУРИН

Фото из архива авторов, а также А.Костина и Л.Дзюбина

Почти каждому человеку свойственно коллекционировать предметы своих увлечений. Коллекционером может быть седой профессор и юный школьник, топ-менеджер успешной компании и слесарь автомастерской, известный артист и домохозяйка...

Наиболее известны коллекции картин и фарфора, монет и банкнот, почтовых марок и открыток, значков и медалей, ретро-автомашин и другого антиквариата, из которых могут вырастать музейные собрания и экспозиции. У кого-то, с точки зрения историчности, предметы собирательства менее масштабные – карманные календарики, транспортные билеты, карандаши, чайные пакетики и этикетки от напитков. XXI век внес дополнения в этот список: сувенирные флэш-карты, видео-игры, конструкторы Lego, игрушки детского питания («киндеры») и даже карты безопасности авиакомпаний... Список этот можно продолжать бесконечно. Для увлеченного человека его коллекция – это целый мир, которым многие хотят поделиться с окружающими, друзьями и коллегами. И опять – веяние времени: в Интернете создаются обширные виртуальные коллекции, где могут выставлять предметы своих увлечений собиратели из разных стран и континентов, общаться на форумах, своевременно получать интересующую их информацию.

Однако коллекционеры более традиционных направлений предпочитают личное общение на собраниях клубов и секций. Посмотреть вживую, прикоснуться к историческому предмету и получить его в свою коллекцию – это интересный и волнующий процесс. В Екатеринбурге организационно оформлены и действуют Общество филателистов и Клуб коллекционеров, вековому юбилею и некоторым страницам истории развития последнего посвящена данная статья.

Сообщество городских коллекционеров Екатеринбурга функционировало с 1924 года в рамках Свердловского отделения Всесоюзного Общества филателистов (ВОФ), которое в 1938 году (по другим данным в 1931–1932) прекратило работу. Свердловское общество коллекционеров возродилось в 1956–1957 гг. как общественное подразделение (секция, кружок) различных ДК города Свердловска, где проходили его собрания.

Общественная структура – Свердловское областное отделение ВОФ – была воссоздана 20 мая 1966 г. В составе отделения в Свердловске неформально уже в 1970-х действовали секции (клубы) по интересам – нумизматов, филуменистов, бонистов, филокартистов, фалеристов. В 1983 году коллекционеры нефилателистических профилей стали выделяться и организовываться в самостоятельные общественные структуры. Так, на базе ДК им. Я.М.Свердлова оформился Свердловский клуб коллекционеров. Его преемником стала Свердловская областная общественная организация «Клуб коллекционеров». Новое время диктует новые правила, и в эти годы организация деятельности клуба приобретает все больше коммерческое направление. После ликвидации в 2011 г. общественной организации «Клуб коллекционеров» статус клуба стал не совсем определенным (скорее можно говорить о еженедельном собрании коллекционеров под эгидой ИП, на сегодняшний день – уже второе по счету). Но и в таких условиях клуб продолжает активно реализовывать просветительское направление деятельности благодаря выставочному комитету.

Места встреч екатеринбургских (свердловских) коллекционеров за 100 лет, конечно же, неоднократно менялись. Известно, что, например, в 1929 году собрания проводились на квартире одного из членов правления по адресу ул. Детский городок, 8-5 (с 1930 – ул. Чапаева). Во второй половине 50-х годов – в ДК им. Я.М.Свердлова, (ул. Володарского, 9) и парке им. Маяковского. В разные годы площадками для встреч были ДК им. М.Горького, ДК им. Ф.Дзержинского, Бизнес-центр международной торговли, спортзалы школы № 94 и СПТУ № 3 и даже столовая Уральского горного университета. Говорят, что нельзя войти в одну воду дважды. Но коллекционеры опровергли эту теорию, – трижды

Екатеринбургское общество коллекционеров
1924-2024
100

Клуб коллекционеров
ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ
Екатеринбург

Екатеринбургское
общество коллекционеров

Екатеринбургское
общество коллекционеров

Екатеринбургское
общество коллекционеров

Екатеринбургское
общество коллекционеров
95

Екатеринбург
1723

Екатеринбургское
1924
2024
общество коллекционеров
100

Коллекционеров
Клуб
1971
2009
Новоуральск

Новоуральское общество коллекционеров
50
лет
2021 год

Нижнетагильский клуб коллекционеров
НТКК
Н-Тагил
1927
2007
80
лет
Клуб коллекционеров

Ветераны Екатеринбургского общества коллекционеров и Свердловского областного отделения ВОФ – активные участники выставочной деятельности на открытии музея «Политехник» Уральского политехнического колледжа, 2012 г.

Члены Клуба – участники фестиваля «РыбаДичь», 2018 г.

Активные участники Выставочного комитета коллекционеров, краеведов и учреждений культуры Свердловской области при посещении музея авиакомпании «Уральские авиалинии», 2018 г.

Ветераны Клуба коллекционеров на открытии выставки «Россия небесная» (худ. Ф.Москвитин) в Историческом мультимедийном парке «Россия — моя история», 2018 г.

«Одна, но пламенная страсть».

Ю.В.Карякин.

Ю.П.Сакнынь.

В.И.Шапильский.

А.К.Воробьев.

М.А.Красовская.

Ю.А.Муйземнек.

местом дислокации общества стал ДК Железнодорожников им. А.Андреева (ул.Челюскинцев, 102) – в 1961–1962, 1991–1997 и с 2022 по настоящее время.

В сентябре 2005 года в Екатеринбурге был проведен Первый Горноуральский слет коллекционеров, который позднее стал ежемесячным, и, разумеется, популярным – с приездом коллег не только из регионов Большого Урала, но и из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов страны. На сегодня количество таких слетов перешло 140-й рубеж.

Сегодня Клуб располагает собственным сайтом https://moneta96.ru/, имеет свои страницы на Интернет-ресурсах «В Контакте» и «Одноклассники». Здесь можно ознакомиться не только с анонсами очередных заседаний Клуба и всероссийских слетов в Екатеринбурге, но и с историей развития сообщества коллекционеров Среднего Урала, отдельными статьями по различным видам собирательства, видеороликом – своеобразной экскурсией по клубу коллекционеров Екатеринбурга.

К сожалению, сегодня мы не можем точно назвать тех, кто осуществлял руководство деятельностью общественных объединений коллекционеров города с первых лет создания. Но с помощью коллег-коллекционеров был составлен примерный хронологический перечень.

Городской отдел общества коллекционеров

Штейн Т.Я. – председатель городского отдела общества коллекционеров в 1929; Корякин Ю.В. – секретарь отдела в 1929 (вероятно, речь идет о Юрии Викторовиче Карякине (02.07.1907 – 12.02.1987), ученом-химике. В эти годы он жил и работал в Свердловске, затем переехал в строящийся г. Новоуральск, а в 1963 – в г. Воронеж).

Свердловское общество (клуб) коллекционеров

Сакнынь Юрий Петрович (21.09.1926 – 19.07.2021) – первый председатель возродившегося Свердловского общества филателистов и коллекционеров (1956/1957–1960); Шапильский Владимир Иосифович (15.11.1926 – 06.2014), председатель в 1960–1962; Воробьев Александр Клементьевич (06.12.1900 – 19.03.1986), председатель в 1962–1966.

В.А.Боганик.

Е.Н.Виноградов.

В.П.Павлов.

Свердловское областное отделение Всесоюзного общества филателистов

Воробьев Александр Клементьевич (06.12.1900 – 19.03.1986) – создатель и председатель Свердловского отделения ВОФ в периоды 20.05.1966–1969 и 1971–1973; Красовская Мария Александровна (17.02.1914 – 06.10.1990), председатель в 1969–1971; Муйземнек Юрий Альфредович (15.06.1924 – 09.08.2001), председатель в 1973–1975;

Виноградов Евгений Николаевич (р. 22.10.1934), председатель в 1975–1979; Хрястов Геннадий Александрович (30.09.1929 – 20.06.2002), председатель в 1979–1981; Павлов Владимир Петрович (09.04.1933 – 16.05.2009), председатель в 1981–1983.

Свердловский клуб коллекционеров (на базе ДК им. Я.Свердлова)

Председатели правления Свердловского клуба коллекционеров (сведения о руководителях клуба 1980–90-х весьма отрывочны и из-за утраченных первичных документов трудно восстановимы): Сафронов Александр Николаевич (15.08.1933 – 06.08.2005), председатель в 1983–1984 (?);

Салмастов Александр Александрович – председатель в 1986, 1989;

Таширев Виталий Банифатьевич (16.11.1944 – 15.10.2003), председатель в 1990; Боганик Владимир Андреевич (р.14.08.1938), председатель в 1993–2001.

Клуб коллекционеров

Козлов Владимир Юрьевич (14.03.1951 – 18.04.2021) – президент

Е.Н.В.Ю.Козлов..

СООО «Клуб коллекционеров» (2001–2011), председатель клуба в 2011–2021; Овсянников Игорь Сергеевич – директор ИП «Клуб коллекционеров» (30.08.2005 – 31.05.2023), заместитель председателя клуба коллекционеров до 2021; Дзюбин Леон Юрьевич – директор ИП «Клуб коллекционеров» (31.05.2023 – наст. вр.)

Общественная просветительская и выставочная деятельность ряда екатеринбургских коллекционеров нашла свое признание не только на городском или областном уровне. Так, совместным постановлением от 25 декабря 2006 года Региональной общественной организации «Академия русской символики «МАРС» и редакции газеты «Петербургский коллекционер» была учреждена медаль «За выдающийся вклад в развитие коллекционного дела в России». Среди награжденных этой медалью есть и свердловские коллекционеры: Алямкин А.А., Григорьев Э.А., Женин Н.А., Казанцев А.Г., Калистратов И.Г., Козлов В.Ю., Костин А.Д., Курепин Ю.Г., Макурин А.В., Пешкова И.М., Рязанцев В.А., Согрин Ю.М., Тарасов Л.Ф., Черноухов А.В. Хотелось отметить, что Клуб коллекционеров Екатеринбурга осуществлял в разные годы выпуски собственных значков (в основном, юбилейных). Также выпускались подобные значки клубами коллекционеров Новоуральска и Нижнего Тагила.

Инициативной группой, возглавляемой нынешним директором клуба Леоном Дзюбиным, подготовлен и проводится ряд мероприятий, в том числе разработан эскиз и осуществлен выпуск почетных юбилейных знаков «100 лет Екатеринбургскому обществу коллекционеров» и удостоверений к ним.

Выставочный комитет коллекционеров, краеведов и учреждений культуры Свердловской области (председатель Александр Костин) подготовил благодарственные письма для вручения коллекционерам, активно занимающимся просветительской и выставочной деятельностью. Также почетными и юбилейными знаками и благодарственными письмами поощрены содействующие деятельности клуба конкретные лица и общественные организации. Отчеканен памятный жетон, на одной стороне которого размещены наименование и эмблема клуба с указанием дат, свидетельствующих о юбилее, на другой – герб Екатеринбурга и год его основания – 1723.

ВЕСИ – 2024

СПЕЦВЫПУСКИ

Марьяновка – Омск. Май-июнь 1918 г. № 3.

К 150-летию со дня рождения Николая Константиновича Рериха. № 4.

Николай Константинович Рерих. Мировое признание.

Андрей Иванов, Ирина Фотиева, Михаил Шишин. Николай Рерих: homo universalis.

Эдуард Томша. Исторические аспекты зарождения идеи Пакта Рериха.

Ирина Дьяченко.Пакт Рериха как охранитель человечества.

Татьяна Расулова. Значение культуры в философии Живой Этики.

Сергей Скородумов. «Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего»

Выдающиеся люди о Пакте Рериха.

Александр Чибилёв. Первозданная Природа Н.К.Рериха: предшественники и последователи.

Раиса Кучуганова. Посещение села Верхний Уймон Центрально-Азиатской экспедицией академика Н.К.Рериха в 1926 году.

Аркадий Тишков. Валдай и Алтай в жизни Н.К.Рериха: «Неотпитая чаша», «Сосуд нерасплескан-ный» и «Чаша Будды».

Ирина Мершина. Пути к центру Азии

Марина Забровская. Через Уральские горы...

Рада Мершина. Мой перевал Буревестник

Г.В.Стюхина, М.Т.Стюхин, М.Н.Митина, Л.И.Николенко. Воспитание прекрасного.

Алексей Макаров. Русский дух несгибаем. Урал – ворота в Азию

Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». № 5.

Евгений Ставцев. Паровозная история механиков Черепановых.

Надежда Высоцкая. Серебряная ваза «за устроение первой паровой машины».

Надежда Высоцкая. Серебряная медаль Ефима Черепанова.

Надежда Высоцкая. Потомок Черепановых – служащий железных дорог Российской империи.

Надежда Высоцкая. Дерево держится корнями, а человек семьей.

Евгений Ставцев. Историко-технический музей «Дом Черепановых».

Юлия Коновалова. Дом Черепановых – центр технического просвещения.

Евгений Ставцев. Паровозных дел мастер.

Владимир Гордеев. Самые старинные часы Нижнего Тагила.

Надежда Высоцкая. «Механическая диковинка» Степана Козопасова.

Надежда Высоцкая. Англо-уральские часы И.С.Козопасова.

Евгений Ставцев. В народе зовется «канавой»...

Надежда Высоцкая. Деятельность И.Ф.Макарова на заводах Нижнетагильского округа в 30–40-е гг. XIX в.

Надежда Высоцкая. История одной книги...

Надежда Высоцкая. Талантливый механик Нижнетагильских заводов – П.П.Мокеев.

Дания Будаева. Ф.И.Швецов – выдающийся русский инженер-новатор первой половины XIX в.

Татьяна Смирнова, Светлана Клат. Легенда о первом велосипеде.

К 100-летия со дня рождения Виктора Петровича Астафьева. № 7.

Елена Фролова. Время пути.

Сергей Тенятников. Растопить лед времени.

Лауреаты конкурса короткого рассказа «Здесь вам не Сибирь».

Николай Сарапулов. Овсянские мотивы.

Литературный вечер журнала Веси в Доме Н.В.Гоголя. Москва, 2024.

Литературный вечер журнала Веси в Доме Н.В.Гоголя. Москва, 2024.

Анастасия Астафьева. Дальше дороги нет.

Артавазд Сарецян. Дядя Карен.

Александр Шмидт. Только слово.

П.А.Гончаров. «О народе нашем, великом и многотерпеливом»: апокалиптические мотивы в прозе В.Астафьева.

Н.М.Щедрина. Философия творчества в «Затесях» Виктора Астафьева.

О.Ю.Золотухина. Религиозный поиск В.П.Астафьева, отразившийся в переписке писателя с В.Я.Курбатовым.

Татьяна Садырина. Тема жизни и смерти, бытийная проблематика произведений В.П.Астафьева.

Галина Гладилина. В.П.Астафьев как детский писатель.

Нелли Датик. Под знаком бесконечности.

Дагестан. № 7.

Елена Фролова. Ракушки Дагестана.

Жанна Абуева. Рассказы.

Ахмедхан Зирихгеран. Рассказы.

Стихи

Руслан Исаев.

Елена Говерт.

Григорий Адаров.

Алексей Гаджиев.

Миясат Муслимова.

Елена Карпенко.

Владик Батманов.

Андрей Царев.

Виктория Таибова.

Камиль Дадаев.

Фазил Дашлай.

Переводы

Александр Карапац.

Поэтические воспоминания о Дагестане

Марат Гаджиев.

Саид Ниналалов. Рассказы.

Григорий Адаров. Рассказы.

Елена Говерт. Рассказы.

Гулеймат Юсуфова. Войлок и войлочные изделия в быту горцев.

Ахмедхан Зирихгеран. Кубачи.

Ирина Смаглюк. Петр Иванович Спасский.

Наталья Газиева. Многоязычная театральная жизнь Дагестана.

К 90-летию Екатеринбургского отделения Союза писателей России. № 8.

Владимир Каржавин. Первая победа русских войск.

Борис Телков. Белая пуговка.

Александр Драт. Наследство Травяницы.

Евгений Кузнецов. Кусок хлеба.

Борис Долинго. Сынок.

Сергей Мартьянов. Распродажа.

Любовь Ладейщикова. Круговерть.

Рустам Саитов. «Как закон сохраненья души».

Мила Матвеева. Многоточие.

Галина Федорова-Косарева. Раскручивая петлю времени….

Вадим Осипов. Про это.

Владимир Блинов. Про это.

Загадки Агафуровых. № 9.

Бадри Девишев. Не только бизнес…

Бадри Девишев. Счастливая судьба агафуровского наследия.

Бадри Девишев. История одного неоплаченного долга.

Ермоленко А.В. Находки в универмаге Агафуровых.

Петр Столыпин: Почетный гражданин Екатеринбурга. № 10.

А.А.Филиппенков, С.И.Глушкова, И.Ю.Добровин. Петр Столыпин: Почетный гражданин Екатеринбурга.

Анатолий Филиппенков, Светлана Глушкова. Реформатор Российской Империи П.А.Столыпин.

Андрей Колмаков. Столыпинский маршрут: взгляд современника.

Дмитрий Криушов. Две извечные напасти.

М.С.Кырчиков. Урал в региональной политике Российской империи начала XX века.

А.А.Филиппенков, Н.Н.Гурченок, С.И.Глушкова. Петр Столыпин и Екатеринбург.

Анатолий Гагарин. Столыпин: «…Нам нужна великая Россия!»

А.А.Филиппенков, С.И.Глушкова. Петр Столыпин и современная Россия.

А.А.Филиппенков, С.И.Глушкова, Т.Б.Вилижанина, Ю.В.Федотова. Столыпинские проекты Союза.

МАСТЕРСКАЯ

Садовников Стефан. Наивно-волшебный театр художника Виктора Наймушина. № 2.

ПРОЗА

Васильева Евгения. Погода разлуки. № 2.

Ивушкина Екатерина. Рассказы. № 2.

Крамер Александр. Рассказы атеиста. № 2.

Муленко Александр. Птицы, прощаясь, летели мимо. № 2.

Румарчук Наталья. Волга-Волга. № 2.

Сальников Андрей. Рассказы. № 2.

Чебыкин Олег. Кусочек сыра. № 2.

Шкерин Владимир. Шурф. № 2.

Щекина Галина. Лепестки. № 2.

Юдин Александр. Чухломская быль. № 2.

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ОЧЕРКИ

Алексеев Вениамин. Атомная промышленность Урала в исторических исследованиях. № 10.

Басок Максим. Святки в доме Тупиковой. № 1.

Гулина Галина. Слово о коллеге. № 6.

Дмитрий Криушов. Институт взятки «Золотого века» Российской Империи. Уральская специфика. № 10.

Загородских Владимир. Жизнь моя – океан. № 1.

Казанцев Александр, Макурин Александр. Один век и мир увлечений. № 10.

Корепанов Николай. О приказах и письмах генерала Геннина, а также о двух типах ученых. № 6.

Корник Виктор. История пожарного дела на Урале в XX веке. № 6.

Кручинин Александр. Кто ж вы, божьи воины? № 6.

Крысанова Светлана. История одной семьи. № 1.

Кузнецов Виктор. Создание ядерного оружейного комплекса на Урале как результат реализации советского атомного проекта. № 10.

Кузнецова Ольга. Становление Красноуфимского округа как административно-территориальной единицы России. № 6.

Молчанов Алексей. Олег Агафонов: и опера, и песня, и романс… № 6.

Николаев Геннадий. Портреты членов императорской семьи для Никиты Акинфиевича Демидова. № 1.

Овчинникова Бронислава. Великий Новгород и Уральский университет: связь времен. № 6.

Пакшина Наталья. Землевладения Павла Григорьевич Демидова в Нижегородской губернии. № 10.

Пакшина Наталья. Страницы жизни Евгении Платоновны Ляпуновой (урожд. Демидовой). № 6.

Рохацевич Елена. Историк Виктор Кузнецов: «Я благодарен судьбе, что первым прикоснулся к рассекреченным документам, № 10.

Стихин Павел. Встали в ряд пожарные машины. № 1.

Сутырин Владимир. Ярополец. № 1.

Тарик Владислав. «...Благодаря Свердловской киностудии...» № 6.

Упорова Марина. «Живинка в деле» трудолюбивого Грума. № 1.

Упорова Марина. Коксовая металлургия Урала. Салда. Начало. № 6.

Хакимов Рашид. С веком наравне: история одного семейного рода. № 6.

Янковская Циля Львовна. Рождение города в Казахстане. № 10.

Участие журнала Веси в VI Международной научно-практической конференции «Научное и культурно-историческое значение Центрально-Азиатской экспедийии Н.К.Рериха». Усть-Кокса, 2024.

АТОМНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Вениамин АЛЕКСЕЕВ

Академик Российской академии наук*

Научные исследования по атомной тематике и истории реализации отечественного атомного проекта на Урале стали проводиться в Институте истории и археологии Уральского отделения (УрО) Российской академии наук (РАН) во второй половине 1990-х гг. В числе первых ученых-исследователей особую группу составили научные сотрудники Института – д.и.н. Е.Т.Артемов, д.и.н. Н.В.Мельникова, к.и.н. А.Э.Бедель, к.и.н. В.Н.Кузнецов. Область их научных интересов сосредоточена на экономических, общественно-политических, демографических и социокультурных аспектах реализации атомного проекта на Урале.

22 октября 2024 г. Виктору Николаевичу Кузнецову исполнилось 65 лет. Для ученого это возраст расцвета научной деятельности. Уже много сделано, но впереди еще немало работы по избранной для исследований теме.

На штатной должности старшего научного сотрудника В.Н.Кузнецов проработал всего 7 лет! Однако ученый со степенью кандидат наук в публикационной активности достиг таких значимых результатов, которых далеко не каждому доктору наук удается добиться за весь период своей научной деятельности. Виктор Николаевич опубликовал 30 монографий объемом 321,57 печатных листов только индивидуальных монографических трудов и 303,39 печатных листов в коллективных трудах с учетом индивидуального коэффициента участия.

Кроме того, Виктором Николаевичем опубликованы 140 работ в научных журналах, сборниках международных и всероссийских конференций, а также 70 статей в общественно-политических периодических изданиях. Эти публикации сделали прорыв в исследованиях некогда сверхсекретной атомной тематики, что позволило приоткрыть завесу секретности и сделать их доступными для общественности. Необходимо отметить, что во всех этих работах анализируются уникальные факты, которые впервые в отечественной историографии освещают неисследованные страницы истории создания отечественного ядерного оружия в России второй половины XX века.

Научные труды Виктора Николаевича востребованы далеко за пределами России. По данным сайта academia.edu. с его научными работами озна-

* Алексеев Вениамин Васильевич – крупный организатор науки, создатель и первый директор (1988–2013) первого на Урале академического Института истории и археологии. Долгие годы возглавлял специализированный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций и Объединенный ученый совет по гуманитарным наукам УрО РАН, был заместителем председателя УрО РАН, главным редактором журнала «Уральский исторический вестник». В.В.Алексеев – ведущий ученый в области российской истории. Внес фундаментальный вклад в разработку процессов модернизации России, истории регионального, индустриального, социального и демографического развития Азиатской России. Автор около 600 научных работ, в том числе более 20 монографий и популярных книг на русском и иностранных языках. Исследования и научно-организационная деятельность получили широкую международную известность. Редактор около 100 монографий и сборников статей. Подготовил 50 докторов и кандидатов исторических наук.

комились читатели более чем 89 стран мира. Наибольшую активность проявили читатели из России – 9895; Украины – 1114; США – 703; Германии – 348; Китая – 235; Казахстана – 198; Беларуси – 165; Франции – 150; Израиля – 142; Великобритании – 128; Финляндии – 122 и многих других стран[1]. Всего на момент выпуска библиографического указателя к работам В.Н.Кузнецова проявили интерес 23805 посетителей сайта academia.edu. А ведь это объективные показатели!

При этом необходимо учитывать и фактор относительно позднего вступления (в сорокалетнем возрасте) В.Н.Кузнецова на путь исследователя. Но в этом есть необыкновенное стечение обстоятельств. Так сложилось, что он пришел в науку именно тогда, когда в его исследованиях объективно появилась необходимость.

В течение двадцати лет он проходил действительную военную службу в вооруженных силах страны. Его служба была связана с воспитательной работой с личным составом, а после окончания юридического ВУЗа – с правовым обеспечением деятельности воинской части.

Судьбоносной для Виктора Николаевича стала встреча в г. Лесном Свердловской области с его будущим научным руководителем, заместителем директора Института истории и археологии УрО РАН доктором исторических наук Сергеем Павловичем Постниковым. В ходе встречи С.П.Постников предложил Виктору Николаевичу поступить в аспирантуру на заочное обучение. Такое предложение было неожиданным по причине того, что будущий ученый работал на градообразующем предприятии помощником генерального директора по правовым вопросам и имел высшее юридическое образование. Тем не менее, приглашение было принято, и поступление в аспирантуру состоялось.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в Институте истории и археологии УрО РАН были подготовлены и защищены несколько кандидатских диссертаций по атомной тематике. Это стало прорывом, в результате которого научные исследования по теме создания закрытых городов на Урале значительно активизировались. В числе первых кандидатов исторических наук, защитивших диссертацию по теме реализации советского атомного проекта на Урале, был и В.Н.Кузнецов. Ее содержание выгодно отличалось научной новизной и основано на подробном анализе рассекреченных архивных документов и материалов, утративших соответствующую степень секретности, впервые вводимых в научный оборот.

Хорошо помню, как в числе аспирантов института появился уже довольно зрелый мужчина с военной выправкой. Как оказалось, его осознанному решению заняться изучением истории атомной промышленности на Урале предшествовали годы службы и работы в закрытом городе. Он не понаслышке знал секреты и особенности производственной деятельности градообразующего предприятия. Каким же было мое удивление, когда благодаря своей настойчивости и целеустремленности он опубликовал еще до защиты диссертации научную монографию «Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала. Первое десятилетие». Это был первый в уральской историографии обобщающий научный труд, к которому был проявлен большой интерес жителей закрытых городов и специалистов, и он стал самым цитируемым из всех последующих публикаций автора.

Уже первые научные работы В.Н.Кузнецова о начале строительства сверхсекретных объектов атомной промышленности и закрытых населенных пунктов на Урале вызвали значительный общественный резонанс. Организованные презентации по его первым монографиям привлекли внимание научной общественности и представителей органов местного самоуправления уральских закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО). Их проведение широко освещалось в средствах массовой информации.

За двадцать пять лет изучения различных аспектов истории атомного проекта на Урале В.Н.Кузнецов рассмотрел широкий спектр проблем: определение причин размещения предприятий будущей атомной отрасли на Урале; формирование организаций и трудовых коллективов строителей; использование труда мобильных спецконтингентов (спецпоселенцев, заключенных ГУЛАГа, военных строителей) в возведении объектов атомной промышленности; деятельность политических отделов и общественно-политических организаций на строительствах особо секретных промышленных объектов; хронологию строительства и функционирования промышленных предприятий и закрытых населенных пунктов, заселение их жителями, налаживание в них социокультурной и общественно-политической жизни, демографические процессы; экологические проблемы, возникавшие в ходе производственной деятельности особо опасных производств и их последствия; создание и деятельность органов безопасности, внутренних дел по обеспечению

[1] https://uran.academia.edu/ Кузнецов Виктор

секретности проводимых работ и сохранению государственной тайны; создание органов власти, медицинских, образовательных, культурных и спортивных учреждений, а также структурных подразделений городской коммунальной инфраструктуры; вопросы государственной политики отбора научных и производственных кадров и многие другие.

В.Н.Кузнецов представил подробную объективную панораму создания на Урале предприятий атомной отрасли, восстановил в хронологическом порядке события, произошедшие во всех закрытых населенных пунктах, неизвестные или забытые факты и имена участников реализации советского атомного проекта на уральской земле, дал объективные оценки создания мощных строительных организаций в регионе.

Несмотря на научный характер проведенных исследований, необходимо отметить, что первые опубликованные работы автора были рассчитаны в основном на широкий круг читателей и не касались по причине засекреченности производственной деятельности градообразующих предприятий атомной отрасли. Если можно так выразиться, вся предшествующая многолетняя исследовательская работа В.Н.Кузнецова была своеобразной предтечей будущей обобщающей фундаментальной научной работы более высокого уровня.

За период своей научной деятельности В.Н.Кузнецовым осуществлена систематизация и историографическая проработка темы реализации атомного проекта на уральской земле, выявлена, проанализирована и обобщена источниковая и библиографическая база, исследованы рассекреченные архивные материалы и документы, что позволило с учетом новизны и практической значимости ввести их в научный оборот. Среди всего массива неисследованных документов были отобраны фонды Челябинского областного исполнительного комитета депутатов трудящихся, Челябинского и Свердловского областных комитетов КПСС, городских комитетов КПСС и ВЛКСМ закрытых городов, а также политических отделов и партийных комитетов предприятий и строительных управлений атомной промышленности.

В перечисленных архивных фондах В.Н.Кузнецовым проанализированы документы, отражающие социокультурное развитие закрытых населенных пунктов и участие в этой работе всей вертикали органов управления атомной промышленности и градообразующих предприятий.

При этом В.Н.Кузнецов сумел на высоком профессиональном уровне рассмотреть общественно-политические аспекты реализации важнейшей общегосударственной задачи, провести научные обобщения на стыке технических и исторических наук.

По истечении четверти века научной деятельности, Виктор Николаевич стал известным ученым в области истории реализации атомного проекта советского и постсоветского периодов. За относительно короткий период он стал зрелым исследователем широкого научного диапазона. Его научные труды представляют значительный интерес и охватывают хронологический период от начала XX в. до настоящего времени. Они посвящены важнейшим концептуальным проблемам социально-экономической истории Урала и России, отличаются новаторством, насыщены конкретно-историческим материалом, оснащены богатейшим научно-справочным аппаратом.

Для научного творчества В.Н.Кузнецова характерны интерес к выявлению глубинных социально-экономических процессов, проходивших в обществе в исследуемый период, широкое использование рассекреченных архивных источников, которые им тщательно изучены, систематизированы и представлены общественности в виде научного анализа и статистических материалов, сделаны обобщающие научные выводы с применением сравнительно-исторического метода.

В 2005 г. я получил приглашение посетить закрытый город Лесной и принять участие в презентации книги Виктора Николаевича «Атомный проект за колючей проволокой». Книга отличалась отсутствием крайностей в оценке так называемых «массовых репрессий», применения «рабского» труда. Автор в этой публикации объективно и честно описал сложный период в жизни страны, тепло и с уважением рассказал о людях, которые по определенным обстоятельствам оказались за колючей проволокой. Ему удалось изменить сложившиеся к тому времени представления о принудительном труде в СССР.

По моему предложению в г. Лесном состоялось выездное заседание Ученого совета Института истории и археологии УрО РАН с приглашением представителей всех закрытых городов Урала, в ходе которого было принято решение о начале публикаций в серии «Атомные города Урала». Там же состоялась плодотворная дискуссия широкого круга ученых и практиков, определившая методологию, технику подготовки и издания научных монографий в этой серии. Первыми изданиями стали энциклопедии городов Снежинск и Лесной[1].

[1] Атомные города Урала. Город Снежинск: энциклопедия. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. 358 с.; Атомные города Урала. Город Лесной: энциклопедия. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. 304 с.

В.Н.Кузнецов на церемонии «Книга года – 2024».

Реализуя решение ученого совета института, в дальнейшем В.Н.Кузнецовым были опубликованы еще пять томов: «Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность» (в двух книгах), «Ядерное наследие на Урале: исторические оценки и документы», «Ядерный оружейный комплекс Урала: создание и развитие», «Атомные закрытые города Урала: социокультурное развитие»[1].

Характеризуя кратко содержание этих фундаментальных публикаций, необходимо отметить, что двухтомник «Атомные закрытые административно-территориальные образования: история и современность» отличается глубоким изучением проблем строительства закрытых населенных пунктов и их последующего развития. В первой книге двухтомника автор показал общую картину событий во всех пяти уральских закрытых городах, что до этого никому не удавалось сделать.

Кроме того, впервые в историографии атомного проекта в данной публикации исследован комплекс мер государственной защиты сведений, относящихся к особо секретным и не подлежащим разглашению под угрозой уголовного преследования.

Во второй части этого крупного исследования автор показал становление новой России, получение закрытыми населенными пунктами официального статуса ЗАТО, нормативно-правовое регулирование их функционирования, историю градообразующих предприятий и реформирования органов местного самоуправления в постсоветский период. Особенно ценно то, что автор представил самые современные планы государства по перспективам развития ЗАТО, созданию в них территорий опережающего социально-экономического развития, что позволяет максимально использовать интеллектуальный потенциал и производственные мощности предприятий в условиях конверсии и импортозамещения.

Этот двухтомник занял достойное место в числе научных монографических публикаций и получил положительный отклик как среди населения ЗАТО Урала, так и далеко за их пределами.

В монографии «Ядерное наследие на Урале: исторические оценки и документы», написанной в соавторстве с д.и.н. В.С.Толстиковым, большое внимание было уделено анализу событий, связанных с техногенной

[1] Кузнецов В.Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность. Ч. 1. Советский период. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. 440 с.; Он же: Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность. Ч. 2. Постсоветский период. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 384 с.; Он же: Ядерное наследие на Урале: исторические оценки и документы. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2017. 400 с. (в соавт. с В.С.Толстиковым); Ядерный оружейный комплекс Урала: создание и развитие. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2021. 536 с.; Он же: Атомные закрытые города Урала: социокультурное развитие. - Екатеринбург: Банк культурной информации, 2024. 273 с. (в соавт. с Константиновой А.Г., Пешковой К.В., Рясковым С.А.)

аварией, произошедшей 29 сентября 1957 г. на Государственном химическом заводе имени Д.И.Менделеева (ныне ПО «Маяк). При анализе экологических последствий его производственной деятельности было выяснено, что принятые меры по ликвидации последствий радиационного загрязнения территорий, получивших название Восточно-Уральский радиационный след, были исчерпывающими, своевременными и продуктивными.

Проведенная научно-исследовательская работа позволила установить, что усилия ученых и руководителей атомной отрасли по переселению жителей населенных пунктов, подвергшихся радиационному заражению, были эффективными. Это обеспечило минимальное влияние вредных факторов на производственный персонал и участников ликвидации последствий аварии, своевременное оказание им медицинской помощи и принятие мер по оздоровлению.

В конце 2024 г. коллективом авторов, в который вошел и В.Н.Кузнецов, написала седьмая научная монография в этой серии — «Атомные закрытые города Урала: социокультурное развитие», в которой исследованы вопросы становления и развития системы здравоохранения, образования, культуры и спорта за весь послевоенный период.

Содержание книги было высоко оценено научным сообществом и широким кругом читателей. На Всероссийском конкурсе на лучшую научную книгу «Научная вертикаль-2018» книга признана победителем в номинации «Гуманитарные науки».

Шестой научной монографией в серии «Атомные города Урала» стал обобщающий фундаментальный научный труд «Ядерный оружейный комплекс Урала: создание и развитие». Он стал одним из первых научных исследований в отечественной историографии, основанных на глубоком комплексном анализе восьми уральских предприятий ядерного оружейного комплекса (ЯОК), подведомственных атомной отрасли за весь послевоенный период. Книга основана на тщательном анализе всего спектра опубликованных и рассекреченных неопубликованных источников. Для этого автору потребовалось проанализировать комплекс геополитических, технических, экономических, социокультурных, общественно-политических и экологических факторов и их влияние на его становление и развитие; выявить этапы строительства и развития предприятий атомной отрасли и населенных пунктов при них; определить роль, место и перспективы развития уральских предприятий ЯОК в решении общегосударственных задач, укреплении оборонного потенциала страны и реализации политики ядерного сдерживания.

В сентябре 2022 г. монография «Ядерный оружейный комплекс Урала: создание и развитие» стала лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2021 года в номинации «Гуманитарные науки», проводимого Фондом развития отечественного образования среди преподавателей высших учебных заведений и научных сотрудников научно-исследовательских учреждений, а в июне 2023 г. она была признана победителем Всероссийского (с международным участием) конкурса научных, методических и творческих работ «Россия: новое поколение и знание», а автор был награжден дипломом первой степени.

Как главный редактор серии «Атомные города Урала» выражаю уверенность, что опубликованные в ней монографии будут полезны читателям, интересующимся историей атомной отрасли, а также техническими аспектами реализации уранового проблемы не только в нашей стране, но и за рубежом.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СЕРИИ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ. ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ УРАЛА»

В последние пять лет одним из важных направлений научной деятельности В.Н.Кузнецова стала научно-организаторская работа по выполнению Указа Президента Российской Федерации от 6 мая 2018 г. «О праздновании 300-летия Российской академии наук». Общее собрание и Президиум УрО РАН поддержали его инициативу о проведении работ по исследованию вклада ученых Урала в российскую науку и издания монографий в серии «Национальное достояние России. Выдающиеся ученые Урала». За период с 2019 по 2024 гг. из печати вышли восемь научных монографий. В первых шести автором и автором-составителем был В.Н.Кузнецов. Кроме того, в изданных томах серии он являлся ученым секретарем и членом редакционных коллегий.

Первой публикацией в серии стала книга «Вениамин Алексеев: горизонты истории»[1], которая посвящена 85-летнему юбилею ученого-историка, академика РАН Вениамина Васильевича Алексеева. Его путь в большую науку рассматривается на примерах вузовской и академической деятельности, многочисленных книг и выступлений на российских и международных форумах. Горизонт исторических исследований В.В.Алексеева широк и самобытен. Их пик пришелся на конец XX – начало XXI вв., когда Россия переживала великий перелом, а профессиональное со-

[1] Вениамин Алексеев: горизонты истории / гл. ред. – И.В.Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2019, 470 с.

На презентации книги «Вениамин Алексеев: горизонты истории». 3 июля 2019 г.

общество историков оказалось на распутье советских и постсоветских трактовок судьбы своей Родины. Тогда, в конце 1980-х гг., он основал академический Институт истории и археологии на Урале. По его идеям было осуществлено два десятка оригинальных научных проектов, которые с новых методологических позиций анализируют сложные проблемы российской истории. В ходе подготовки проектов им создана Уральская академическая школа историков, признанная ведущей в России.

Как оказалось, книга стала востребованной не только в России, но и за рубежом. После размещения ее на сайте academia.edu, она заинтересовала 1027 посетителей сайта, которые ознакомились с ее содержанием.

В книге, посвященной 90-летию со дня рождения Героя Социалистического Труда, главного конструктора отечественного ядерного оружия, академика РАН Б.В.Литвинова – «Борис Литвинов: грани личности»[1] обобщены основные сведения о жизни, профессиональной, научной и общественной деятельности, представлены опубликованные и неопубликованные при его жизни воспоминания об ученых-атомщиках, руководителях и друзьях, с которыми он работал, а также воспоминания его коллег, учеников и близких о совместной жизни и работе. Издание снабжено документами, свидетельствующими о выдающемся вкладе Б.В.Литвинова как ученого-ядерщика в укрепление обороноспособности и развитие технической науки страны со второй половины 1950-х до начала 2000-х гг. Посетители сайта academia.edu также заинтересованно отнеслись к книге о Б.В.Литвинове, а 934 посетитлей сайта ознакомились с ее электронной версией.

В 2020 г. книга стала лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу, проведенного Фондом развития отечественного образования (Москва) среди научных учреждений и высших учебных заведений России.

Третья книга в серии – «Во главе науки ядерного центра на Урале»[2] – посвящена трем первым научным руководителям ядерного центра на Урале – Всероссийского научно-исследовательского института технической физики: Кириллу Ивановичу Щёлкину, Евгению Ивановичу Забабахину и Евгению Николаевичу Аврорину. Под их научным руководством были разработаны, испытаны и приняты на вооружение страны основные виды ядерных и термоядерных боеприпасов, а также разработаны и применены ядерные взрывные устройства в интересах народного хозяйства. Ими создана мощная отечественная техническая научная школа, подготовлена целая плеяда ученых-ядерщиков, которые преумножают богатые традиции, заложенные в первые полвека функционирования уральского ядерного центра.

В 2021 г. книга стала лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу, проведенного Фондом развития отечественного образования (Москва) среди научных учреждений и высших учебных заведений России.

Четвертый том в серии – «Лев Феоктистов: вспоминая прошлое, думал о будущем»[3] –

[1] Борис Литвинов: грани личности / авт.-сост. В.Н.Кузнецов. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2019, 464 с.

[2] Во главе науки ядерного центра на Урале / авт.-сост. Водолага Б.К., Волошин Н.П., Кузнецов В.Н. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2020, 568 с., ил.

[3] Лев Феоктистов: вспоминая прошлое, думал о будущем / сост.: Б.К.Водолага, В.Н.Кузнецов – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2022, 336 с.

Беседа В.Н.Кузнецова с академиком В.В.Алексеевым. 14 июня 2023 г.

посвящен Льву Петровичу Феоктистову – ученому-физику, прибывшему на Урал, в Научно-исследовательский институт № 1011[1] в числе первых и проработавшему в нем в течение двадцати двух лет начальником отдела, сектора, первым заместителем научного руководителя – начальником отделения. Защитив кандидатскую и докторскую диссертации, он был избран членом-корреспондентом, а затем и академиком РАН, и внес решающий вклад в создание уникальных ядерных зарядов и ядерных боеприпасов, поставленных на вооружение нашей страны.

В октябре 2023 г. монография получила диплом первой степени XVII Международного конкурса научных, методических и творческих работ «Социализация, воспитание, образование».

Пятая книга в серии – «Дмитрий Гаврилов: полвека в науке»[2], посвящена заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору исторических наук Дмитрию Васильевичу Гаврилову. В ней обобщены основные сведения о его жизни, профессиональной, научной и общественной деятельности.

По итогам IX Международного конкурса научных, методических, творческих работ «Родина: патриотизм, гражданственность, традиционализм» в июне 2024 г. монография получила диплом первой степени.

Шестой том в серии – «Игорь Курчатов: уральский след в науке»[3] – посвящен Игорю Васильевичу Курчатову – выдающемуся ученому-физику, родившемуся на Южном Урале и проработавшему в качестве научного руководителя завода (комбината) № 817 в г. Челябинске-40 в начальный период его функционирования. В коллективной монографии собраны материалы, архивные документы и фотографии, большинство из которых малоизвестны широкому кругу читателей, а часть из них впервые вводится в научный оборот.

В декабре 2023 г. монография получила диплом первой степени XVIII Международного конкурса научных, методических и творческих работ «Социализация, воспитание, образование» (к году педагога и наставника, Десятилетию науки и технологий).

В канун 300-летия РАН в серии «Национальное достояние России. Выдающиеся ученые Урала» изданы еще три научные монографии об уральских ученых из разных сфер научной деятельности – Заслуженном архитекторе РСФСР, кандидате архитектуры А.Э.Коротковском, генеральном директоре и главном конструкторе Государственного ракетного центра им. академика В.П.Макеева академике РАН В.Г.Дегтяре, о члене-корреспонденте РАН, докторе медицинских наук А.А.Буганове – исследователе проблем влияния климата на здоровье человека в условиях Крайнего Севера.

Проводимая научно-исследовательская работа направлена на публичную фиксацию достижений уральских ученых по направлениям их научных исследований и на сохранение исторического наследия для его дальнейшего использования в пропаганде богатых традиций, заложенных ветеранами науки Урала. В исторической памяти зафиксированы наиболее яркие достижения выдающихся ученых Уральского региона для последующего использования опубликованных материалов в патриотическом воспитании будущих поколений россиян и в изучении истории Урала.

В издательстве РАН в 2021–2022 гг. были изданы монографии В.Н.Кузнецова о трижды герое Социалистического Труда Щёлкине Кирилле Ивановиче[4]. Необходимо признать факт, что

[1] В настоящее время Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И.Забабахина.

[2] Дмитрий Гаврилов: полвека в науке. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2022, 400 с., ил.

[3] Игорь Курчатов: уральский след в науке / Р.В.Кузнецова, В.Н.Кузнецов, О.Ю.Жарков, Н.А.Антипин. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2023, 560 с.

[4] Кузнецов В.Н., Водолага Б.К. Кирилл Щёлкин: ученый, гражданин, солдат (книга 1). – Москва: Издательство Российской академии наук, 2021, 324 с.; Кирилл Щёлкин: ученый, гражданин, солдат (книга 2). – Москва: Издательство Российской академии наук, 2022, 172 с.

в этом престижном издательстве РАН изданы научные монографии научного сотрудника Института истории и археологии УрО РАН впервые, что придает особую значимость таким публикациям.

По итогам XVI Международного конкурса научных, методических и творческих работ «Социализация, воспитание, образование» в июле 2023 г. монография «Кирилл Щёлкин: ученый, гражданин, солдат» получила диплом первой степени.

Кроме того, за серию научных статей «Лаврентий Берия: взгляд из XXI века», опубликованных в журнале «ВЕСИ» на III Международном конкурсе научных, методических и творческих работ «Родина: общество, безопасность, экология» автор награжден дипломом первой степени.

В течение более чем двадцати лет В.Н.Кузнецов преподавал в ведущих ВУЗах Екатеринбурга и Свердловской области: в Филиале Московского инженерно-физического института, в Уральском федеральном университете (УГТУ-УПИ), Уральском государственном экономическом университете, в Филиале Российского экономического университета имени Г.В.Плеханова. На преподавательской работе он целиком отдавался преподаванию ряда исторических и юридических дисциплин, воспитанию молодежи. Требовательный, но в то же время отзывчивый в педагогической работе, Виктор Николаевич заслуженно пользовался авторитетом и уважением у своих коллег, студентов и представителей самых широких кругов общественности. Неоднократно он поощрялся руководителями учебных учреждений.

Научные достижения В.Н.Кузнецова получили высокую оценку его профессионального сообщества. Он является победителем Всероссийского конкурса научных и учебных изданий «Научная вертикаль» в номинации «Общественные (исторические) науки» (Санкт-Петербург: 2018 г.), четырехкратным победителем международных конкурсов, посвященных в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «Году педагога и наставника» и «Десятилетию науки и технологий», пятикратным лауреатом Всероссийских конкурсов на лучшую научную книгу (Москва), пятикратным лауреатом церемонии «Успех года» (городской округ «Город Лесной»).

В 2021 г. «За большой вклад в исследование истории атомной промышленности на Урале и популяризацию достижений уральских ученых» награжден Почетной грамотой Уральского отделения Российской академии наук.

В 2023 г. «За многолетний добросовестный труд, значительный вклад в исследование истории и развитие атомной отрасли» награжден знаком отличия Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» «За вклад в развитие атомной отрасли» 2 степени.

В 2024 г. «За многолетнюю плодотворную научную деятельность и общественное служение по выполнению в Уральском федеральном округе поручений Президента Российской Федерации по защите исторической правды, традиционных культурных ценностей нашей страны, пропаганде открытий и достижений российской науки в сфере освоения атомной энергии, а также в связи с 300-летием Российской академии наук» Благодарностью Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе.

Виктор Николаевич совмещает научный труд с работой в общественных организациях. Вместе с ветеранами атомной отрасли, спецслужб и спецорганов ведет активную просветительскую и пропагандистскую работу среди молодежи в ЗАТО уральского региона, выступая с лекциями об истории создания ракетно-ядерного щита Родины и мирного атома, о современных геополитических вызовах для России, об открытиях и достижениях российской науки.

Он является членом редакционного совета (ученый секретарь) серии книг «Национальное достояние России», а также член главной редакционной коллегии (ученый секретарь) серии книг «Национальное достояние России. Выдающиеся ученые Урала», член редакционной коллегии литературно-художественного, историко-краеведческого журнала «ВЕСИ», член Союза журналистов России с 2014 года.

Выражаю уверенность, что научные труды В.Н.Кузнецова займут достойное место в числе научных исследований по атомной тематике и будут востребованы научным сообществом, а также широким кругом читателей, интересующихся историей атомной отрасли не только в нашей стране, но и за рубежом.

25-летний период научной деятельности, который совпал с 65-летием со дня рождения, – важный рубеж в жизни ученого, да и в судьбе любого человека, и В.Н.Кузнецов встречает его в напряженном исследовательском труде, в расцвете творческих сил, полный новых исследовательских планов. Желаю юбиляру здоровья, благополучия, новых научных открытий и свершений на благо российской исторической науки, а его опубликованным исследованиям широкой дороги и читательского интереса.

ИСТОРИК ВИКТОР КУЗНЕЦОВ: Я БЛАГОДАРЕН СУДЬБЕ, ЧТО В ЧИСЛЕ ПЕРВЫХ ПРИКОСНУЛСЯ К РАССЕКРЕЧЕННЫМ ДОКУМЕНТАМ

К 100-летию Областного государственного архива Челябинской области.

Записала
Елена РОХАЦЕВИЧ

Ведущий археограф
Объединенного
государственного архива
Челябинской области.

Архив – это не только место, где хранятся документы, но и место встреч исследователей, место для обсуждения вопросов, споров. Гостями архива и архивистов бывают самые разные люди: простые любители истории и краеведения и историки с большой буквы, авторы многих книг, монографий. Одним из таких гостей стал известный историк из Екатеринбурга, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН Виктор Николаевич Кузнецов. Виктор Кузнецов является одним из первооткрывателей темы социокультурного развития закрытых уральских городов, где разрабатывалось и шло производство атомного оружия. И еще – темы создания атомного проекта «за колючей проволокой». Одна из его книг так и называется – «Атомный проект за колючей проволокой». Не раз презентация книг Виктора Кузнецова проходила в Челябинске, в Государственном архиве, ибо все они написаны по архивным документам. Недавно В.Н.Кузнецов в соавторстве с учеными-атомщиками из Снежинска Н.П.Волошиным и Б.К.Водолагой представил в Челябинске новую книгу – «Во главе науки ядерного центра на Урале», а сейчас у него в проекте новая работа, посвященная людям ядерной науки.

Как он пришел к теме закрытых городов и подготовке атомного проекта в СССР, с чего начинались его исследования, как использовалось документальное наследие архива в его творчестве, об этом и шел наш разговор с Виктором Николаевичем.

– Я – юрист, работал в закрытом городе Свердловской области Лесном. Когда определилась тема моей диссертации – о нормативно-правовом обеспечении деятельности предприятий атомной отрасли, я, естественно, обратился в архивы. Приехал в челябинский архив и пытался найти документы по этой теме, но не нашел. Зато мне открылся целый мир документального материала, с которым я еще никогда не встречался. Как раз в Челябинской области шло рассекречивание некоторых документов закрытых городов. Директор архива Игорь Игоревич Вишев показал мне только что рассекреченные документы Озерска и предоставил возможность познакомиться с ними.

Я благодарен судьбе, что первым из исследователей прочитал эти бесценные бумаги. Мне тогда очень помогали Галина Николаевна Кибиткина и Елена Анатольевна Калинкина. Тогда же я решил поменять тему диссертации – «Общественно-политическая

Вице-президент Российской академии наук, председатель Уральского отделения В.Н.Руденко вручает В.Н.Кузнецову диплом им. П.И.Рычкова. Декабрь 2024 г.

В.Н.Кузнецов (второй слева) среди лауреатов премии им. В.П.Макеева. Октябрь 2024 г.

жизнь в закрытых городах Урала (вторая половина 40 – середина 50-х годов XX века)». Помню, привез домой огромное количество копий документов. В новогодние праздники разложил все это богатство на полу и подбирал, систематизировал их один к другому по датам, по людям, по сферам деятельности и т.д. Словом, складывал, как паззлы, чтобы получилась цельная картина. Так началось мое приобщение к теме. Потом все это легло на листы бумаги, и получались рассказ, книга, статья. Конечно, со ссылками на документы, чтобы подстраховать себя. Кто-нибудь спросит, а что это у тебя, откуда? Из документов, – отвечу я.

И еще я благодарен судьбе, что познакомился с замечательными людьми и учеными Владимиром Николаевичем Новосёловым и Виталием Семеновичем Толстиковым, первооткрывателями темы закрытого города Озерска, написавшими в 1990-е годы книгу «Тайны „Сороковки“». Владимир Николаевич, по сути, и благословим меня на эту работу, я продолжаю дело после неожиданной его смерти.

Челябинский архив – это основная база. Документы, вроде бы, сшиты в папки – для работников архива, а для исследователей они превращаются в какую-то общую картину жизни. Поэтому я всегда готов выразить благодарность архивистам.

– Вы как-то говорили, что знакомство с документами закрытых городов вызвало у вас потрясение. Почему?

– Не просто потрясение – шок! Работали на строительстве атомных объектов заключенные, после отбытия срока им не разрешали покидать эти места в течение еще нескольких лет. И они поневоле стали первостроителями этих городов. Я много встречал таких людей. Они никому не говорили, что были заключенными. Они шарахались от меня, когда прочитали книги: не каждому хочется вспоминать, что были зэками. Но подчеркну, что именно они и стали первостроителями.

В управлении предприятия и населенного пункта было человек 10. Все остальные – зэки. С ними заключали договоры, они работали за деньги. Для меня это было открытие. За деньги! Они получали зарплату, питались в столовых, ходили в клуб. Все это описано в моей книге «Цена свободы – атомная бомба». Многие упрекали меня: ты что тут написал про какие-то санатории, дома отдыха, стадионы. Да, для заключенных атомных объектов были санатории, дома отдыха, были клубы, художественная самодеятельность, организовывали смотры-конкурсы, награждали баянами, аккордеонами. Они играли в футбол, хоккей, баскетбол, волейбол, были спортивные команды. В 1951 году какой хоккей? В 1951 году только в масштабах страны он начинался, а они уже играли в хоккей. А какие медчасти там были, лечение? Сегодня нашему населению не снилось, как для первостроителей-заключенных было организовано лечение. Пальчик порезал – целое дело заводили: почему, как, соблюдалась ли техника безопасности. Если человек умирал, тело вскрывали три человека: врач-патологоанатом, лечащий врач и сотрудник КГБ. Такие подробные заключения о смерти, что можно книги писать.

Когда заключенным окончательно разрешили выехать из этих мест (кто-то уехал, а кто-то остался, обзавелся здесь семьями, дети появились), им полностью выдали все, что когда-то изъяли, вплоть до ювелирных украшений, медалей, у кого они были.

– Кто все это организовывал, если в руководстве было человек 10?

– Я знакомился с документами, казалось бы, очень неинтересными – о партийных организациях закрытых городов. Но в результате их анализа нарисовалась очень интересная картина – о роли политотделов в организации всей жизни атомных объектов и всей работы атомных предприятий. Они занимались населением, благоустройством, социальной сферой, пресекали хулиганство. Не было ни горисполкомов, ни горкомов партии. Но самое интересное здесь – это роль Лаврентия Берии в создании атомной отрасли. Я всегда говорю: если бы не Берия, так скоро атомной бомбы у нас не было бы. Он был прекрасным организатором, менеджером высокого уровня, как бы сейчас сказали. Это был человек большого ума и огромной работоспособности. Под его руководством были определены места будущих атомных городов, найдены лучшие ученые и рабочие для реализации атомного проекта. Я об этом писал в своих книгах. Лаврентий Павлович Берия – человек неординарный, и он был одним из лучших сынов своего Отечества, все негативные качества были приписаны ему после смерти недругами. В последнем фильме об атомном проекте «Бомба» Берия показан совсем с другой стороны, чем нам было навязано советской историей, – как раз в сериале проявляются его лучшие качества как организатора атомного проекта.

– Планы на будущее уже составлены?

– Без написания книг уже не мыслю своей жизни. Каждая книга для меня – это событие, потому что собранная в архиве информация уникальна, хочется сделать ее достоянием всех заинтересованных в ней. В перспективе дел много.

– Спасибо, что поделились интересными мыслями и сведениями. Пожелаю вам успеха в новых проектах.

СВЕРДЛОВСКИЙ УЧЕНЫЙ ВИКТОР КУЗНЕЦОВ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ ИССЛЕДОВАЛ РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ АТОМНОМ ПРОЕКТЕ СССР НА УРАЛЕ

Лариса НИКИТИНА

Уральский ученый Виктор Николаевич Кузнецов долгие годы работал на атомном предприятии в Лесном. Его научные исследования основаны на анализе рассекреченных документов и архивов. Он восполнил многие пробелы в историографии атомной отрасли и деятельности советских ученых-атомщиков на Урале, которые решали задачи государственной важности по ликвидации американской монополии на обладание ядерным оружием.

Также сделал несколько сенсационных исторических открытий, опровергнув многолетние заблуждения о политических личностях и событиях в России и на Урале.

ДЕТСТВО

– Родился в городе Кургане, в рабочей семье, – начал рассказ о себе Виктор Николаевич. – Мой отец всю свою жизнь проработал сварщиком, был передовиком производства, активным рационализатором. Мама тоже всю жизнь посвятила избранной профессии. Она медицинская сестра. Родители

С мамой и сестрой. 2009 г.

Фотографии из личного архива Виктора Кузнецова.

Курсант В.Кузнецов, председательствующий на собрании классного отделения. Справа – начальник училища генерал-майор авиации А.В.Борисов.1980 г.

остаются для меня примером трудолюбия, порядочности и заботы о благополучии семьи. Именно они заложили тот фундамент, на котором я твердо стоял на ногах и продолжаю уверенно идти по жизни.

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Еще в школе Виктор Кузнецов задумывался, кем стать, на кого идти учиться. В выборе будущего профессионального пути помог случайный совет.

– Однажды наш сосед посоветовал готовиться к поступлению в училище на «военного политработника», – вспоминает Виктор Николаевич. – Что это за специальность, ни мои родители, ни я не имели представления. Тогда в моей школьной жизни произошел крутой поворот. Я очень ответственно принял рекомендацию, стал усердно учиться, получил по итогам окончания школы в аттестате 9 пятерок. Видимо, в этот период у меня начали проявляться целеустремленность и желание достичь поставленной цели.

Виктор Кузнецов поступил и окончил Курганское авиационное военно-политическое училище. Учеба давалась относительно легко.

– На первых двух курсах я имел только отличные оценки по всем предметам, – делится Виктор Кузнецов. – Среди курсантов была здоровая конкуренция. На «отлично» учились многие, а 45 человек, включая и меня, получили по окончании училища диплом с отличием.

В ЗАКРЫТОМ ГОРОДЕ

После третьего курса Виктор Кузнецов женился.

– Когда мой тесть предложил нам поехать служить за границу, я отказался, хотя имел право выбора места службы как отличник, – отмечает собеседник. – Мой принцип был такой: «Куда Родина пошлет». Так и получилось. Родина отправила нас с супругой служить в 12-е Главное управление Министерства обороны, в закрытый город Лесной в Свердловской области.

Заместитель командира роты ст. лейтенант В.Н.Кузнецов. 1983 г.

Заместитель командира части майор В.Н.Кузнецов. 1993 г.

Помощник генерального директора по правовым вопросам В.Н.Кузнецов. 2003 г.

В 29 лет он был назначен на должность заместителя командира отдельного батальона электротехнических средств заграждения и охраны в войсковой части. В том же году получил воинское звание майор.

По предложению сослуживца Виктор Кузнецов поступил в Свердловский юридический институт имени Р.А.Руденко, а через пять лет, в 1997 году, окончил уже Уральскую государственную юридическую академию с отличием.

– Учеба не была легкой, так как у меня в багаже были только общеобразовательные и военные знания и опыт, а о «гражданской» жизни я имел весьма смутное представление. Кроме того, выделить время на овладение юридическими знаниями было крайне затруднительно. Да и заботы о быте семьи не уменьшились – сын подрастал, – делится воспоминаниями Виктор Кузнецов.

Учился он с утроенной энергией, ибо, кроме него, в гарнизоне тогда никто не занимался правовой работой и не имел юридических знаний.

– Признаюсь откровенно, большинство учебных юридических дисциплин я зубрил, так как мало что понимал в новых для меня областях знаний, – говорит он. – Ведь дальше закрытого военного городка я редко где бывал, и большинство вопросов государственной экономической политики мне были непонятны. Особенно сложными для понимания были рыночные отношения, которые только начали тогда формироваться в стране.

КОМБИНАТ «ЭЛЕКТРОХИМПРИБОР»

После получения диплома Виктор Николаевич вернулся в расположение военного городка, где тут же получил предложение.

– Мне сообщили, что в ближайшем будущем освобождается должность начальника юридического отдела комбината «Электрохимприбор», – рассказал он о неожиданном телефонном звонке. – Я задал резонный вопрос: «А я-то тут причем? Я же нахожусь на действительной военной службе». Голос в телефонной трубке предложил из армии уволиться и перейти на освобождающуюся должность.

1 апреля 1998 года Виктор Кузнецов возглавил юридический отдел ФГУП «Комбинат «Электрохимприбор». А через год был назначен помощником генерального директора по правовым вопросам – начальником юридического отдела, и в этой должности проработал до 1 августа 2008 года.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

В этот же период Виктор Кузнецов ведет и преподавательскую деятельность. С 1997 по 2008

годы он по совместительству исполнял обязанности доцента кафедры социально-экономических дисциплин филиала МИФИ в городе Лесном, преподавал студентам правовые дисциплины.

В 1999 году в Лесном открылось представительство Уральского юридического института МВД России. И с момента его открытия до 2007 года Виктор Кузнецов был его руководителем и преподавателем нескольких юридических учебных дисциплин.

При этом четыре года, с 2004 по 2008 год, был депутатом городской думы в Лесном. Проводил прием граждан, консультировал их по правовым вопросам, отвечал за правовой блок деятельности Думы, проводил юридическую экспертизу проектов ее решений и постановлений.

ЖИЗНЬ В НАУКЕ

В 2000 году Виктор Кузнецов поступил в аспирантуру Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. С этого момента его жизнь стала проходить в научном поиске по теме: «История атомной промышленности и закрытых городов на Урале».

– Видимо, мне было уготовано судьбой в числе первых исследовать рассекреченные документы по тематике реализации атомного проекта СССР на Урале. С особым трепетом и волнением в числе первых я знакомился с ними. В областном Челябинском архиве через документы общественно-политических организаций удалось создать представление о жизни закрытых городов Урала 40-х – 60-х годов прошлого века. Это было определенной сенсацией, – рассказывает он.

В течение трех лет Виктор Кузнецов написал и досрочно защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала – вторая половина 1940-х гг. –1960-е гг.»

В 2004 году ему присвоена ученая степень кандидата исторических наук и ученое звание член-корреспондент Академии военно-исторических наук.

СЕНСАЦИЯ

В работе над документами постоянно попадала информация о деятельности заключенных исправительно-трудовых лагерей. После защиты диссертации Виктор Кузнецов задумался об исследовании этой темы.

– Следующая моя книга «Атомный проект за колючей проволокой» рассказывала о деятельности таких заключенных в городе Свердловск-45 (ныне Лесной), – вспоминает этот опыт Виктор Николаевич. – Книга получилась сенсационной. Оказалось, что заключенные жили в так называемом ГУЛАГе неплохо. Картина полностью изменила те постулаты, которые обосновал Солженицын. Репрессии и издевательства, ужасные условия – всё это было опровергнуто мной. Я первым в стране поставил под сомнение наличие массовых репрессий в СССР. Мои исследования доказали, что репрессии были только в 1937–1938 годах, когда во главе НКВД был Н.И.Ежов. После того, как НКВД возглавил Л.П.Берия, репрессии закончились. И Л.П.Берия впоследствии сделал все, чтобы в нашей стране появилась первая атомная бомба, ядерное оружие. И он был не сторонником массовых репрессий, а борцом с ними. И за время его руководства НКВД было освобождено 185571 человек политических заключенных. И условия их проживания были совершенно другими, о чем я рассказываю в своих книгах. Не те картины, которые рисовали либералы, крикуны. Мне удалось доказать, что массовых репрессий не было. Особо опасных государственных преступников (шпионов, диверсантов и др.), осужденных в 1937–1938 годах, к моменту смерти Сталина было всего 221435 человек, что составляло 8,76 % от числа всех заключенных и 0,12% от населения СССР. Их было меньше, чем в 1990-е годы в процентном отношении к населению страны. Академики жмут руки и говорят, что я прав.

НОВЫЙ ВЕК

Богатый опыт и багаж юридических знаний привели Виктора Кузнецова в 2003 году в состав рабочей группы Росатома по подготовке новой редакции закона «О закрытых административно-территориальных образованиях».

Неоднократно он участвовал в парламентских слушаниях Совета Федерации, в Государственной Думе и заседаниях рабочей группы в Министерстве по атомной энергии.

С 2010 года Виктор Кузнецов работает в Институте истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. С 2013 года – старший научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории России.

С 2008 по 2011 годы он был доцентом кафедры права Уральского государственного технического университета (УПИ), девять лет, с 2011 по 2020 годы, – доцентом кафедры гражданского права Уральского государственного экономического университета.

В.Н.Кузнецов и А.В.Сперанский на выставке монографий, посвященной 65-летию автора в Институте истории и археологии. 22.10.2024 г.

НАСЛЕДИЕ

За 21 лет, с 2003 по 2024 годы, у Виктора Кузнецова вышли в свет 30 монографии и более 140 научных статей по истории создания и развития закрытых административно-территориальных образований и предприятий ядерного оружейного комплекса на Урале. Они были опубликованы в центральных, региональных научных журналах и сборниках конференций России, а также в газетах.

Его труды вошли в число лучших научных книг России и стали национальным достоянием, их читают и изучают в 89 странах мира.

Так, монография «Ядерное наследие на Урале: исторические оценки и документы» (2017 г., написана в соавторстве с доктором исторических наук В.С.Толстиковым) стала победителем Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу «Научная вертикаль-2018 года» (Санкт-Петербург) и лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу среди преподавателей вузов и научных организаций (Москва, Сочи), проводимого Фондом развития отечественного образования.

Лауреатами Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу стали также монографии «Леонид Поляков: летопись жизни» о гендиректоре комбината «Электрохимприбор» (2018 г.); «Борис Литвинов: грани личности» (2019 г.), «Во главе науки ядерного центра на Урале» (2020 г., написана в соавторстве с учеными Б.К.Водолагой и Н.П.Волошиным), вышедшие в серии «Национальное достояние России. Выдающиеся ученые Урала»; «Ядерный оружейный комплекс Урала: создание и развитие» (2021 г.)

За многолетнюю работу по популяризации атомной отрасли в 2023 году генеральный директор Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» А.Е.Лихачев наградил Виктора Кузнецова знаком отличия «За вклад в развитие атомной отрасли» 2-й степени, а в 2004 году, к 300-летию Российской академии наук, — Почетной грамотой ГК «Росатом»..

Его книги – это результат многолетних научных исследований, с доказательствами и аргументами. В некоторых монографиях количество сносок на источники достигает нескольких сотен. За каждый научный вывод и за достоверность материала ученый несет моральную ответственность перед читателями.

– Два года назад я передал на хранение в Государственный архив Свердловской области некоторые научные работы, переписку, фотодокументы и другие материалы. Они хранятся в фонде № 2906. Надеюсь, что моим потомкам они будут интересны, – резюмировал нашу беседу уральский ученый Виктор Николаевич Кузнецов.

На презентации книги «Игорь Курчатов». Аша, сентябрь 2023 г.

Обсуждение серии «Выдающиеся ученые Урала». Президиум УрО РАН. Екатеринбург, 20 октября 2022 г.

СЕРИЯ «АТОМНЫЕ ГОРОДА УРАЛА»:

